

Amara Void

Тени Измерений

18+

AMARA VOID

ТЕНИ ИЗМЕРЕНИЙ

<https://litres.ru/74013934>

SelfPub; 2026

Аннотация

ВНИМАНИЕ! КНИГА СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ. УПОТРЕБЛЕНИЕ НАНОСИТ ВРЕД ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ. 18+

Мара — носительница врожденного дефекта. С детства она видит то, что скрыто от человеческих глаз. Но в мире, где тонкая кожа интуиции соприкасается с жесткой реальностью, вещие сны превращаются в минные поля, а знаки на билбордах становятся ловушками для разума.

Это исповедальная сюрреалистическая проза о внутренней деформации, распаде восприятия и отчаянной попытке выключить бесконечный белый шум.

В основе произведения лежит глубокое исследование природы саморазрушения сквозь призму мегаполиса. Все пограничные состояния растворены в системе мистических образов и техногенного Зазеркалья.

Путешествие сквозь бездну Изнанки, где привычная реальность рассыпается на пиксели, а каждый шаг ведет к износу

аватара. Но можно ли перезагрузить систему, если ты сама — её главный критический баг?

Содержание

ОТ АВТОРА	5
НАЧАЛО	21
ВКУС ПУСТОТЫ	33
ВЯЗКИ И ТЕНИ	41
ВАТНОЕ ЦАРСТВО	45
СИГНАЛ ИЗ ТЕМНОТЫ	50
РАДАР ДЛЯ СВОИХ	56
ГРАНИЦЫ ИСПАРЕНИЯ	62
ВХОД В ИЗНАНКУ	65
РЕЖИМ ОБЪЕКТА	73
АРИФМЕТИКА СУДЬБЫ	89
НОВЫЙ МИР	91
КРИТИЧЕСКИЙ СБОЙ	103
Конец ознакомительного фрагмента.	109

AMARA VOID

ТЕНИ ИЗМЕРЕНИЙ

ОТ АВТОРА

ВНИМАНИЕ! КНИГА ПРЕДНАЗНАЧЕНА ДЛЯ ЛИЦ СТАРШЕ 18 ЛЕТ (18+).

Официальное предупреждение: Данное произведение содержит упоминание наркотических средств и психотропных веществ, употребление которых опасно для вашего здоровья.

Обратите внимание: Настоящее произведение является объектом литературы и искусства. Все описанные события, пограничные психологические состояния персонажей и измененное восприятие реальности представляют собой исключительно художественный вымысел и метафору.

Книга не содержит описания способов изготовления, приобретения или культивирования запрещенных веществ, а также не является призывом к их употреблению или пропагандой деструктивного поведения. Напротив, сюжет направлен на радикальное осуждение деградации личности, деструктивного образа жизни и фиксирует тяжелый путь пре-

Одоления ментального кризиса.

Автор: Амара Войд, 2026. Все права защищены.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МАНИФЕСТ

Амара Войд — не писатель. Она не училась владеть словом — она училась выживать. Этот текст написан не пером — а силой выживания. Это исповедь. Чистое искусство.

Рукопись сохранила первозданный нерв. Она подается как есть — в сыром виде, как анатомия распада земной оболочки. Это путь через тьму к свету, который невозможно отдать на аутсорс. Эту историю можно только прожить и зафиксировать так, как под силу автору.

Осторожно: после прочтения сознание не останется прежним.

Этот текст не подчиняется правилам классической филологии. Он подчиняется ритму шаманского бубна. Ловите бит.

ПРОЛОГ

Мара выжила. Хотя в какой-то момент это казалось самой глупой затеей.

Слишком долго её сознание болталось в межмирье, где привычное понятие «жизнь» рассыпалось на мелкие осколки. Высокое напряжение плавало астральные узлы, оставляя в голове лишь глухой, монотонный шум.

Сначала это казалось игрой. Потом — единственной реальностью. А после — захлопнувшейся ловушкой, где разум капитулирует перед мороком Изнанки. Выход оставался один: тотальная трансформация духа.

Мара не изучала это по глянцевым обложкам или фильмам с хэппи-эндом. Она прошла сквозь точку абсолютного распада и, преодолев ад, по кусочкам выстроила новую версию себя на руинах прежнего бытия.

Однажды посмотрела в зеркало. Там не отражался человек — только пустота, обрамленная знакомыми чертами лица.

Эта книга — не об искусственных иллюзиях. Это история о рождении личности в условиях, не предназначенных для жизни. В вечном ознобе, под аккомпанемент бесконечного гула в черепной коробке, который настойчиво повторял одно: «Финал трансляции».

Но Мара не сдалась. Она вытаскивала себя сама. В абсолютной тишине и темноте, где нет одобрения, аплодисментов и спасителей с добрыми глазами. Был только холодный сквозняк Изнанки и выбор: остаться на дне или начать слепое восхождение.

Расскажет всё. Без фильтров и дешевой романтики. Будет

больно, местами — невыносимо стыдно. Но честно — так бывает только перед лицом абсолютной пустоты, в которой стерты все прошлые законы материального мира.

ГДЕ ХОЛОДНО

Холод пробрался внутрь задолго до того, как стал единственным убежищем.

Мара росла девочкой, которая всегда оставалась «не такой». Лишний элемент в формуле неполной семьи. Там, где полагалось быть теплу, гуляли сквозняки чужого безразличия. Она искала опоры во взрослых, но видела лишь отражение собственных страхов. Когда в доме нет фундамента — учишься строить замки из тумана.

Одиночество стало её первым тотемом. Оно не было тихим, оно выло в голове сотней вопросов, на которые никто не собирался отвечать: нелюбимая, неслышанная, пустая.

А потом открылся вход в Изнанку — без лица, но со вкусом абсолютной отчужденности. Смертный морок не просто заполнил вакуум, он выстроил вокруг Мары новую реальность. Это была иллюзия, где холод отступал, уступая место тяжелому, свинцовому воздуху. На долгие годы она обменяла свой дар на этот неподвижный кокон из белого шума.

Но именно там, где когда-то царил мрак, она впервые столкнулась с собой настоящей. Без масок и социальных ролей, с обнаженными до костей нервами. Встретилась со своими страхами, звенящей пустотой и, внезапно, со своей си-

лой.

Прошла через тотальный стыд, липкий, парализующий ужас и падение, после которого обычно не поднимаются.

Но она выжила и сумела сохранить единственное, что нельзя украсть, — внутреннее достоинство. Шаг за шагом, будто собирая разбитую вазу в технике кинцуги, Мара возвращала себе целостность.

Теперь она свободна. И это не метафора из дешевых манифестов, это свобода по-настоящему.

Свобода от белого шума, который годами держал за горло и шептал: «Без меня ты просто пустая оболочка». Свобода от ярлыков «слабачки» и «безнадежной». Теперь Мара — не отражение в чужих глазах. Теперь она — Есть.

Демоны больше не сидят за рулем. Кто-то замолчал, признав поражение, а кто-то стал прирученным. Теперь они просто ворчат на заднем сиденье, не имея доступа к управлению. Сознание стало прозрачным — не идеальным, а живым, как воздух сразу после тяжелой грозы.

В этой безмолвной тишине пульсирует её настоящая природа, чистый разум, который больше не забивают помехи.

И эта свобода — лучшее, что с ней случилось. Не новый мужчина и не внезапная удача, а просто утро без жгучего стыда. Зеркало, в котором больше нет пустоты. День, прожитый без предательства самой себя.

Вернулась из прошлого, из разъедающего омута фальши-

вых иллюзий. Приняла всё — каждый шрам и каждую ошибку. Не сдалась. И теперь она здесь не для того, чтобы проповедовать. Она здесь как человек, который делится силой. Именно в этой точке — на грани хаоса и абсолютной честности — начинается её настоящая дорога к свету.

Хроника лопнувших цепей

Мара — из тех женщин, чье появление физически меняет температуру в комнате. Градус падает. Пространство замирает. Она не пытается нравиться. В мире фальшивых улыбок её ледяное безразличие режет наотмашь.

Она не суетится. Взгляд стальной, пугающе чистый. Он не скользит по поверхности — он считывает изнанку, выжигая ложь на вдохе.

Так выглядит небо после грозы, когда воздух еще пропитан электричеством.

Хрупкая фигура. Внутри — натянутая железная струна. Всё в ней кричит без единого звука: зазеркальный морок не смог стереть её «я».

На ней нет ничего лишнего. Простые джинсы, майка. Мара не прячется за брендами. Её кожа — карта перерождений. Татуировки здесь не для красоты. Это метки лопнувших цепей. Хроника того, как дух избавлялся от мертвой плоти.

Женщины смотрят на неё с настороженным восхищени-

ем. В глазах один немой вопрос: «Как она справилась?»

Мужчины теряются. Одни видят объект желания, другие — смертельную опасность. Равнодушных нет. В Маре живет грубая, нервная, почти невыносимая правда. Финальная честность, не нуждающаяся в одобрении.

Ошибется тот, кто увидит в ней просто эффектную женщину. Обыватель всегда недооценивает масштаб бури, которая идет за ней по пятам.

«Дно, это фундамент. Просто не все умеют строить».

Амара Войд

ПОЛУРАСПАД

Мысли — липкие, как масляная краска на стенах подъездов её юности. Она всё ещё ведёт бесконечный диалог с бездной. Без героических поз. Она — просто женщина, которая раз за разом спотыкалась на финише, превращая жизнь в узел старых наушников. Проще выбросить, чем распутать.

Внутри слишком много сломанных механизмов. Клея не существует. Не потому, что она не хочет себя починить, а потому, что вера в «чистый лист» стерлась. Сколько раз звучало это сакральное: «В последний раз»? А потом — новый

круг, изматывающий, с оплавленной оптикой и куском живой плоти, вырванным белым шумом.

Вопреки биологии и логике, Мара жива. Стоит на обломках, с усталостью в костях и полураспадом чувств. Внутри тлеет крошечный, злой огонек, остаток врожденного кода, который отказывается стираться. Это единственное, что не дает сознанию окончательно уйти в темноту.

У неё двое детей. Здоровых. Красивых. Её личная победа, возвращение к настоящей жизни вопреки всем прошлым диагнозам. Когда-то врачи ставили на её будущем крест. Но жизнь подставляла ладони там, где падение казалось неизбежным. Дети приходили как спасательные круги. Оба раза — на грани. Их смех — не просто удача. Это шанс, который дается единицам, чтобы не забыть дорогу домой.

Она прошла через всё: сожженную молодость, роскошь и нищету, потери и возвращения. Найти себя, казалось, невозможно. Но она нашла. Нашупала вектор, осталась настоящей и, наконец, стала видимой для самой себя.

Эта книга — её третьи роды. Такие же долгие, болезненные и изматывающие. Но в итоге — жизнь.

Долгие годы сбоев на критических оборотах. Мара мерила жизнь не переменами года, а циклами распада. И вот уже четыре года — абсолютная, звенящая тишина. Чистота.

Без кокетливого «чуть-чуть по праздникам», без самообмана — главной валюты в её внутреннем казино. Она обрела якоря резко и беспощадно, как срезают сожженные во-

лосы. Не потому, что стало легко. А потому, что альтернатива была очевидной: распад. Медленный, гниющий морок или полное растворение в бездне.

Реальность вывернулась наизнанку. Сознание, бывшее свалкой астрального тумана, внезапно стало Домом. Вещи сны обрели четкость, перестав быть кошмаром, и превратились в рабочий инструмент. То, что раньше казалось глухим шумом Изнанки, теперь её стальная опора.

Йога — практика, вернувшая контроль над телом через осознанное заземление. Физическая боль на гвоздях Садху — вместо прежних форсированных режимов. Чистое дыхание — самый естественный ресурс. Медитация вместо жалости к себе. Движение — когда нужно вытряхнуть лишний сор из головы.

Она не просто сменила привычки. Она пересобрала личность. Старая Мара никуда не делась — она легла в основание, став тем самым бетонным фундаментом на дне.

Каждое утро — осознанный выбор. Каждый вечер — тихая благодарность за то, что зеркало не врет. Чистое сознание оказалось самой дорогой свободой. Ни один белый шум, сколько бы суррогатного тепла он ни обещал, не сравнится с этой пронзительной ясностью.

Говорят: «бывших не бывает». Мара смотрит на мир стальными глазами и знает: это ложь. Дефект — не приговор. Это просто чертовски длинный путь через ад. Если есть вход, значит есть и выход. И она — тому живое доказатель-

ство.

Лежала на дне. Оно оказалось холодным и твердым. Не илистое болото, из которого можно выплыть, а бетонный мешок без лестниц. К сорока годам пришла математически выверенная формула безнадежности.

Внутри, под ребрами, где раньше билось сердце, теперь сидел Демон. Он не кричал — лениво цедил слова, развалившись в пустоте грудной клетки. Напоминал, что Маре уже сорок, и это финал.

Прими это. «Сознание в тисках, узел затянут намертво. Сколько было этих „финальных циклов“? Не было их. Ты снова здесь. Ты — дефектный файл. Смирись, подкрась губы и погнали на следующий круг. Нам еще есть что сжечь.

Но был и другой голос. Тонкий, как нить паутины: шёпот о невозможности продолжать, требование разорвать зазеркальный контракт.

Она смотрела вокруг. Люди, которых она называла друзьями, теперь виделись без фильтров. Её врожденный Дар наконец-то считал истинные частоты: это были пустые оболочки, выеденные белым шумом. Разговоры по кругу, как слепые лошади на мельнице. Существа, чья вселенная ограничена краем пластикового шва.

Бытовое общество вызывало рвотную судорогу. Ипотеки, Турция, цены на обои и стерильная ложь о счастье. Мара поняла: она в вакууме. Одна на дне, откуда не всплывают. Поверхность больше не манила. Мечты сгнили.

Жизнь потеряла вкус, оставив лишь привкус горечи во рту. Белый шум больше не давал резонанса. Он стал тяжелой, грязной обыденностью. Старая реальность жала, как тесная обувь, а новая — исправленная — зияла такой пустотой, что в ней можно было оглохнуть.

«Кто все эти люди? Мне одиноко в мире, где нет ничего живого. Только я и мой Демон».

ГРАВИТАЦИЯ И МЕТКИ

В точке абсолютного нуля — когда Мара приняла решение вернуть себе истинную природу и окончательно отключить удушливый зазеркальный морок — начали проявляться знаки. Гравитация дна была готова раздавить её — превратить в серую пыль. Но именно это решение создало трещину в плотной завесе — и Мироздание начало подавать сигналы, пробиваясь сквозь бетон повседневности.

Это началось с числа 444

Знак прошёл плотную ткань реальности, как древнее заклинание, пробуждающее застывшее время. Сначала — случайный номер на авто. Потом — навязчивый ритм неисправного уличного фонаря, который отстукивал морзянку прямо в висок. Вселенная больше не шептала — она была током по оголенным проводам сознания: кассовые чеки, рекламные щиты, экран смартфона, замерший на 4:44, количество лайков на рилсах.

Цифра стала тенью — сакральным шифром, на котором Мироздание вело свою безмолвную навигацию.

Для тех, кто верит в случайности, это был бы просто шум. Но Мара почувствовала резонанс. Она начала разгадывать этот шифр через древние системы исчислений — как жрец, принимающий послания забытых богов.

Из общего хаоса Изнанки начали проступать контуры её новой внутренней силы. Это были координаты выхода из лабиринта, в который она сама себя заперла.

Бронированный тыл. Знак того, что кураторы выставили оцепление. Божественная защита в мире, где искры нейтронов бьют на поражение. Подтверждение: Вселенная одобряет чистоту сигнала — теперь импульсы похожи на разряд, но это импульсы штурма. Число-детонатор.

Приказ прекратить рефлексию — Мироздание уже прочертило маршрут, и Маре оставалось только сделать решительный шаг.

444 стали гарантией: Знаки больше не шепчут — они ведут. Мара оказалась под прицелом Высших сил, и права на ошибку больше не было.

СОН ПЕТЛЯ

Когда цифры разметили коридор, начала видеть сон. Мистер Икс. Персонаж из глянцевого зазеркалья.

Мара никогда не была фанаткой идиологов — поклонение ку-

мирам она считала признаком ментальной нищеты. Но Он вызывал странный резонанс. Харизматичный, «её формат». Что-то из глубины отзывалось в истерзанной душе.

Картинка прокручивалась с хирургической четкостью. Они входят в дом. Он обнимает ее одной рукой за шею — прижимая к себе так, что

сопротивление становится бесполезным. Воздух искрит — живое, осязаемое электричество. Ступени. Дверь слева. Спальня с большой кроватью, светлое покрывало, на котором лежит дорожная, кожаная сумка. Его реальная жена молча и буднично пакует вещи.

Мара во сне чувствует укол совести — холодный, как сталь скальпеля. Она говорит ему прямо в лицо: «Нет. Женатый мужчина-табу. Я ухожу».

Он останавливает её взглядом. В нем — та самая гравитация, против которой нет приема. Эта хватка не выпускает, диктуя свои правила. Его присутствие замыкает пространство вокруг неё: «Стой. Она нам не помешает. Уже уходит. Правда?»

Жена послушно кивает, застегивает молнию и берет за руку ребенка. Такси уже ждет. Они исчезают в тумане, а Мара проходит в гостиную. Там случается детонация. Он целует ее и накрывает волной. Это не фанатский визг. Это запредельное ощущение ДОМА. Финал долгого скитания по пустыне. Её человек. Родная частота.

Мара просыпалась в холодном поту. Сон преследовал, за-

тирая границы реальности. Разум судорожно пытался выдать логичный ответ: мол, это просто экранный образ, подсунутый вспышками новостей. Решила устроить жесткую зачистку. Вырезала Мистера Икс из мыслей, как злокачественную опухоль. Удалила подписки, стерла все цифровые следы. Возвела глухую стену между собой и его глянцевым миром.

Она методично блокировала каналы, по которым этот образ мог просочиться в её сознание.

— Что за навязчивая трансляция? — шептала она.

Сон продолжал крутиться в самом ядре её существа. Кто-то стримил этот морок напрямую. Осознала: это не случайная игра воображения. Это был Звонок. И на него придется ответить, даже если линия связи проходит сквозь самую глухую темень Астрала.

Со временем видения меняли декорации, а детали становились пугающе четкими. Бодрствование превратилось в проверку знаков. То, что она видела ночью, через короткое время в точности проявлялось у него в реальности. Локации, вещи, события.

Вскоре появилась функция. Каждую ночь перед сном — в голове включался чужой голос. Он вещал рифмами. Ей приходилось записывать текст под диктовку. Новая способность. Странная, пугающая — но работающая безотказно. Об этом она расскажет позже.

Сны никогда не были развлечением — это сакральные сводки, которые она научилась читать, как древние шифры.

Видения про Мистера Икс — транслируемые в сознание на репите — больше не позволяли оставаться зрителем. Сюжет требовал выхода в реальный мир.

Особого притяжения к этому человеку она не испытывала. Глядя на экран, Мара лишь фиксировала: харизма глубокая, подача точная — и на этом всё. Его творчество когда-то задело пару струн в её душе, откликаясь знакомым мотивом, но не более.

Очередное пробуждение после того самого сна. После которого реальность кажется пресной подделкой. Мара на автомате тянется к гаджету. Пальцы сами вводят имя в поиске. Она замирает. Экран выплескивает официальный некролог брака. Развод. Семья — казавшаяся монолитом из глянца — рассыпалась на глазах миллионов подписчиков.

— Неужели это происходит?... — выдохнула в пустоту. Шок смешался с лихорадочным восторгом. В этот момент она кожей почувствовала: Вселенная не просто подает знаки — она ставит перед фактом, который глупо игнорировать.

Внутри, на самой дальней полке сознания, ожила мечта, пылившаяся там годами — Написать Книгу. Мара поняла: это шанс. Не просто зафиксировать события — а показать на собственном примере, как земная оболочка, рассыпавшаяся на осколки, способна собраться заново. Доказать, что путь к свету существует — даже когда дно темноты кажется окончательным финалом.

Сон сошелся с реальностью до миллиметра. Мара сделала

первый за долгое время глубокий вдох. Чистый воздух обжег легкие: пора выходить из тени.

Ей двигало желание поделиться опытом — зафиксировать личную веру в невозможное, которая удержала дух, когда горький зазеркальный морок казался вечным. Математика Бездны безупречна: эта история должна быть написана.

Мистер Икс оставался недостижимым образом — но Знаки прошивали настоящее яркими вспышками. Он стал искрой, которая разожгла внутренний огонь. В пепле мертвой тишины родился голос — который больше не хотел молчать.

НАЧАЛО

Пять лет эта книга вызревала внутри. Путь через техногенную пустоту и свалку битых фактов собственной памяти. Казалось, сама Вселенная пыталась скрыть это от человеческих глаз. Текст переписывался десятки раз. Пространство сопротивлялось публикации. Слой за слоем Мара соскребала с себя старую кожу, пытаясь вбить невыразимое в буквы.

Сознание сковывал морок. Он парализовывал волю, когда страх перед собственной честностью становился невыносимым. Жизнь устраивала проверку на вшивость, заставляя сомневаться в реальности самого пути.

Ей не нужна дешевая слава. Деньги не были главной ставкой. Движущей силой стало одно болезненное желание: чтобы хоть один человек, чей мир рушится на полной скорости, увидел её маршрут и нажал на тормоза.

Она чувствовала — эта книга проведет черту, за которой «вчера» окончательно станет пеплом. Но текст жил по своим законам. Он не шел через силу. Он требовал, чтобы его выносили, как ребенка — до срока, до первой осознанной боли, до момента, когда молчание становится физически невыносимым.

Момент истины настал. Она справилась. Просто потому,

что смертельно устала убегать. В этот раз Мара осталась на месте.

29 марта 2025 года. Хмурое воскресенье. Мара делает глоток кофе, вслушиваясь в тишину между каплями дождя. Она сидит на кухне, обхватив ладонями старую чашку — мамин подарок. Матери нет уже десять лет. Пустота на том месте, где раньше было тепло, до сих пор фонит на низких частотах, заставляя пространство вокруг сжиматься от озноба.

Зазеркальный туман сгустился, когда реальность треснула. Сознание, привыкшее к борьбе за выживание, выдало предельную перегрузку и рухнуло в неизвестность. Ей было тридцать три года — сакральный возраст. Время обнулиться и воскреснуть.

Смерть матери сорвала последний предохранитель. Прятаться больше негде. Притворяться маленькой — некому. Осталась только она, её дети и мир, который больше невозможно использовать как внешнее укрытие. Нужно было либо стать хозяйкой собственного астрального пространства, либо исчезнуть в его белом шуме.

Она вошла в этот мир в восьмидесятых. С первых секунд все пошло не по классике. Рождение превратилось в затяжную битву за выживание, заставляя мир замереть.

Если бы не профессионализм врачей и чудо, история закончилась бы, так и не начавшись. Ее астральное тело готово было раствориться, едва коснувшись воздуха. Выжила. Вопреки всем прогнозам. Это был её первый вызов земной

плотности.

В три года мир раскололся — развод родителей. С четырех до семи лет Мара росла в диком ритме природы. Лес, река, запах ягод, скалы. Отец учил её считывать сигналы земли и чувствовать пульс почвы под босыми ногами. Там, в первобытной тишине, она впервые научилась различать тонкие нити, связывающие живое с неживым.

Маленькая, хрупкая, кудрявая — её постоянно принимали за мальчика. Это злило, хотя внутри она действительно росла жесткой, упрямой и резкой. Храбрая, упорная, она штурмовала скалы, караулила летучих мышей в заброшенных домах и замороженно наблюдала за змеями лазая по скалам.

По вечерам Мара растворялась в музыке, абстрагируясь от внешнего мира. Пока другие просто двигались, она вытесняла мелодией фоновый шум в сознании. В шесть лет она еще не знала слова «код», но уже чувствовала: когда тело подчиняется ритму, системные ошибки перестают терзать разум.

Музыка, природа и жажда настоящего — её базовые настройки. Чтобы понять, кто ты есть, достаточно вспомнить себя до первой большой боли.

В их доме всё было «не как у людей». Мара с детства помнит бритые затылки и людей в погонах — мамыны «нужные контакты». Жизнь семьи подчинялась законам хаоса и экстремальных рисков. Пространство содрогалось. Постоянная тревога завтрашнего дня была частью интерьера. Взрослые

вели свои, непонятные игры, пересчитывая ресурсы и замирая под мамин крик при каждой недостатке. Система с детства приучала её к запаху риска и чужих секретов. Мара не боялась опасных игрушек. Вместо кукол — тяжелый холодный металл и россыпь латуни, гремящей в ладонях. Она надевала массивную кожаную кобуру. Та пахла взрослой, запретной силой. Ей нравилось щелкать механизмом, чувствуя причастность к тайному миру.

Пока другие девочки пеленали пупсов, Мара взаимодействовала с железом, которое не прощает ошибок.

Она понимала: её мать была сильнее мужчин в кожаных куртках. Жила на острие ножа, выживала в хаосе и неизменно оставалась на каблуках.

Дом жил на контрастах. Смех и хрустальный звон бокалов сменялись яростными криками и звуком посуды, разлетающейся о стены. Мара усвоила урок: расслабляться нельзя. Сегодня — праздник, завтра — истерика, послезавтра — тишина, от которой звенит в ушах.

Она росла между полюсами: роскошь и страх, обожание и ледяной холод.

Иногда Мара видела мать на рассвете: смотрящую в абсолютную пустоту. Это не вызывало жалости — просто земная оболочка не выдерживала нагрузки Изнанки. Но уже через час — алые губы, золото в ушах и безупречная деловая улыбка.

Никто не должен был видеть слабость. Никто не должен

был взломать этот фасад. Мать была виртуозом маскировки — и Мара училась у неё главному: как имитировать исправность, когда внутренний мир рассыпается на осколки.

Это детство в стерильной зоне. Запах дорогого парфюма смешивался с ароматом застарелой тревоги. Мать растворялась в работе и мужчинах, а Мара — в своих фантазиях. Шумы извне уже тогда начинали заполнять комнаты — вытесняя живой звук.

Она росла ребенком, которого проще откупить, чем почувствовать. Деньги как универсальный антисептик для совести. Есть ресурс — значит, всё в порядке. Так работала семейная математика, где за внешней стабильностью скрывался критический износ земного каркаса.

Ей казалось: мама живет в другом измерении — там красиво, опасно и больно. Мара знала: рано или поздно она пойдет по этой же дороге. Только значительно дальше. Её врожденный радар уже тогда фиксировал это искажение пространства.

Мать приезжала редко. Визиты сопровождалась горой подарков и застольями. Но Мара чувствовала: всё это — не про неё. Шумные компании вызывали лишь глухое отвращение. Её не было рядом — мелькала физически, но эмоционально отсутствовала, не играла, не спрашивала, как прошел день, не интересовалась миром дочери.

Зато у Мары — всё лучшее. Одежда с витрин, меха, блестящая упаковка пустоты. Росла в мире, где балуют до бес-

силія. Окружена заботой, но абсолютно одинока. Ничего не требовали. Просто давали. Всё, что угодно — лишь бы не мешала и не путалась под ногами.

Материнская любовь выражалась формулой: «На, возьми, только не мешай». С детства Маре транслировали жесткие паттерны: учиться не чувствовать, не быть неудобной, не быть живой. Плач заглушался куклой, злость — подарком. С каждым подношением Мара становилась тише. Скрытнее. Словно постепенно стирала саму себя из этой земной геометрии.

Но она оставалась доброй и щедрой. Кормила весь двор сладостями, раздавала одежду подругам. Это не была игра — это была наследственная натура. Ведь её мать делала всё для всех. Её доброта в городе была легендарной. Помогала любому чужаку, но дома срывалась. Измотанная, вечно недовольная, кипела на ровном месте, как чайник на грани взрыва. Только теперь Мара понимает: это была не злость. Это была густая, застарелая усталость и перегрузка оболочки, добравшаяся до самых костей. Деньги не сделали мать счастливой. Только добавили хаоса и обеспечили роскошное душевное одиночество.

Это случилось на первых этапах. Лето в лесу пахло хвоей и перезрелой малиной. Солнце казалось вечным — пока его не заслонил мрак.

Нарушила границы. Подошла ближе, чем позволяет без-

опасность. Сущность Изнанки совершила несанкционированный доступ к тому, что должно было оставаться неприкосновенным. Горячее дыхание. Слова — липкие и грязные, как мазут. Требовала того, для чего еще нет названий. Угрожала — что будет хуже, если Мара откроет рот. И тут же обещала: если промолчать — этот морок Зазеркалья не повторится.

Мара промолчала.

Тогда страх был острым, как осколок стекла в пятке. Ужас стал телесным, а унижение — безымянным. Со временем детали стерлись — но стыд не ушел.

Он поселился в костях, став белым шумом подсознания. Тенью, которая росла вместе с ней, выжидая своего часа.

Странности начались рано. Мара видела то, что взрослые списывали на воображение. По силуэтам в дверных проемах и теням на стенах оживали Безумные сущности. Она кожей чувствовала присутствие: кто-то невидимый стоял за спиной — фиксируя её пульс или тяжело дыша в затылок. Это был её Дар — Изнанка мира, которая начала транслировать сигнал.

Позже тело сковали зазеркальные тиски и удушья. Видения — сбывающиеся с пугающей точностью. Выходы духа из тела сквозь замочную скважину пространства — предвестники и знаки. Это не было книжной романтикой — это напоминало затяжную войну, где ее сознание пыталось взломать настройки реальности.

В квартире детства жили своей жизнью выключатели, падали вещи, слышались шаги в пустых коридорах. Мара считала это галлюцинациями страха — но пока взрослая сестра не произнесла: «Я тоже это видела». Пазл сложился. Это была не болезнь. Это была наследственная архитектура.

В семье шепотом передавали истории о «даре по женской линии». Прабабушка лечила травами — мать видела людей насквозь и обладала стальной интуицией.

Однажды этот чистый полевой сигнал спас им жизнь.

Чемоданы собраны, билеты куплены, вылет завтра. Но вечером мать обрубила планы: «Мы не летим». На следующий день самолет, в котором они должны были находиться, превратился в груды пикселей на телеэкранах. Новостные сводки подтвердили: выживших нет. Мара смотрела на мать и понимала: это не просто интуиция. Это работа системы.

Дар был повсюду — он пропитывал стены дома, гудел в проводах и отражался в зеркалах. Он не приносил покоя — он требовал внимания, заставляя Мару постоянно быть на чеку. Рано поняла: чтобы выжить и не допустить безумия от этого бесконечного потока Изнанки — нужно научиться имитировать нормальность.

Она строила свой фасад — прятала наследственную архитектуру за учебой, друзьями и обычной подростковой суетой. Но внутри — в самом центре системы — продолжал нарастать шум. Он требовал выхода, искал способ прорваться сквозь бетон повседневности.

Мара еще не знала — что скоро она сама найдет кнопку, которая остановит шум. Но цена за эту паузу будет выше, чем она могла себе представить.

Наступил период паузы от паранормальных явлений. Тот самый подростковый сбой, когда мир сузился до жесткого выживания в бетонных джунглях. Врожденный сигнал был подавлен агрессивной средой и белым шумом. Мистика на время отступила, вытесненная примитивными законами материального мира — чтобы спустя двадцать лет вернуться с новой, сокрушительной силой.

Изнанка не вернулась пугливой фантазией или бредом. Она проявилась как параллельная реальность, к которой Мара подошла вплотную уже взрослой. Теперь, стоя на пороге с пробужденным наследственным Даром, она пыталась понять: где проходит та вибрирующая линия? Где заканчивается эхо детской травмы — а где открывается тот самый сакральный код, переданный ей вместе с цветом глаз и сильным характером?

Это не было похоже на киношное «прозрение». Это напоминало возвращение в дом, покинутый много циклов назад: те же тени в углах, тот же сквозняк из ниоткуда. Но теперь в руках зажат фонарь — и Мара готова смотреть им прямо в лицо. Она больше не бежала. Она начала наблюдать.

Когда пришло время школы — лес закончился. Мать забрала её в город, но сама в нём не задерживалась — бесконечные разъезды продолжались. Девочку передавали из рук

в руки, оставляли у соседей, случайных подруг или там, где придется.

Мир правил и удушающего единообразия требовал беспрекословного подчинения, неподвижности и молчания. Приказ быть как все — главный закон. Ей, привыкшей к свободе, этот плоский материальный конвейер казался физически токсичным.

Во втором классе случился первый публичный надлом. Её подстригли коротко — чтобы не возиться с волосами. Мара наотрез отказалась снимать в классе шапку: детский стыд жег кожу. Учительница заставила. Класс взорвался хохотом. С этого момента школа превратилась в зону боевых действий. Мальчишки зажимали в углах — обзывали. У доски она каменела. Двойки множились — но внутри царила пустота. Ей было всё равно: социум оказался враждебной планетой, а взрослые уныло транслировали одну пугалку: без учебы человек превращается в ничто.

Потом плотина рухнула, и всё полетело вниз. Дома помощи ждать не от кого. Проверка уроков часто заканчивалась вспышкой материнской агрессии и криком «тупица». Через час это сменялось пугающим спокойствием или подарком — будто ничего не произошло. зазеркальный морок Королевы выдавал короткую вспышку ярости. Мара училась жить в условиях этого нестабильного, качающегося мира.

Мать сама была беженкой из пустоты. В шестнадцать она рванула из деревни, спасаясь от деспотичной матери, где ре-

мень оставался единственным проявлением «внимания». Ни опоры, ни ласки — только ледяная нищета и инстинкт выживания. Она выстроила свою империю с нуля, таща на себе всё и всех.

Отец Мары — тихий врач — никогда не был «каменной стеной». Он сам нуждался в опоре, предпочитая не отвечать на удары судьбы. Мать превратилась в танк. Её суперсилой была коммуникация: она могла договориться с дьяволом. Она делала невозможное, но за это величие платили её дети — холодными вечерами и материнским «не до тебя».

Мара видела этот фасад всемогущества, за которым пряталась маленькая девочка. Пустота внутри матери эхом отзывалась внутри Мары. Их общая наследственная Изнанка фонила тишиной.

Она рано усвоила закон бетонных джунглей: не обязательно быть сильной, достаточно казаться безумной. Физически она всегда оставалась хрупкой, почти прозрачной — легкая мишень. Но внутри оживал зазеркальный кукловод, способный за секунду превратить испуганного ребенка в хладнокровного ликвидатора.

Это началось в школе. Когда её пытались прижать в коридоре, внутри всё превращалось в ледяное крошево. Страх парализовал. Она понимала: если дойдет до ударов — её раздавят. Но именно в этот момент она надевала непроницаемую зазеркальную Маску. Взгляд становился пустым, голос — стальным. Транслировала одну мысль: «Плевать на

финал. Ответный удар будет сокрушительным». Наигранная уверенность работала как бронезилет Противник видел не жертву, а камикадзе в режиме самоуничтожения, и инстинктивно отступал. Блеф стал её религией.

ВКУС ПУСТОТЫ

Она жила, не выбирая маршрутов, пока в её жизнь не во-
рвалась первая любовь.

Он был на два года старше. Высокий, кареглазый, класси-
ческий «плохой парень». Мара смотрела на него с наивным
обожанием, которое выжигает внутренности. Эта любовь —
отчаянное желание заслужить право быть нужной.

В это время декорации её семьи окончательно рухнули.
Отец — в области, сестра — в замужестве. Мать купила
квартиру на том же этаже и переехала туда с новым мужчи-
ной, снова спасая всех, кроме себя и дочери.

Осталась одна в пустой квартире. В этой звенящей тиши-
не родилось понимание: «Всё. Я взрослая». Ей требовалась
забота — а вокруг была только статика. И она нашла того,
кто был так же пуст и несчастен. Они слились — как две дыр-
ки от бублика — вроде вместе, но внутри всё равно сквозняк.

Тот вечер казался обманчиво спокойным. Они прятались
от мира — пытаясь склеить из мыслей общее «завтра». Мир-
ный гул голосов, музыка фоном, обычная имитация семей-
ного уюта. Но реальность уже приготовила свой финальный
аккорд.

Звонок в дверь разрезал тишину — как скальпель. На по-
роге возникла Тень и вместе с ней проник зазеркальный мо-

рок. Без нее заперлись на кухне — так уединяются для чего-то опасного.

Любопытство — вирус замедленного действия. Особенно когда звучит пренебрежительное: «Слишком неподходящий возраст для столь серьезных вещей». Эта фраза выжгла самолюбие. Она вошла. Разворачивалось Безумное чаепитие. Царило странное молчание. Лица, стертые ожиданием.

В этом мире мораль оказалась лишним ресурсом. Первый контакт. Вспышка — и падение в бесконечную бездну Изнанки. Критический излом реальности.

Когда расплавленные стены перестали дышать и сознание вернулось, внутри пульсировало ясное понимание. Мара нашла свою точку сборки. Никто не готовил её к этому сценарию.

Проводником в Изнанку стал такой же потерянный безумец, а свидетелем — белый шум, окутывающий комнату.

С деньгами проблем не возникало — и в этом кроилась зловещая ошибка. В маминой тумбочке всегда лежали стопки купюр — чей хруст заменял колыбельную. Никто не спрашивал «зачем». Слово «нельзя» мутировало в удобное «возьми и отвяжись».

Она растворялась в этой искусственной проекции, медленно убивая в себе всё живое.

Так начиналась «взрослая» жизнь девочки, которой никто не выдал инструкций. Жить в материальном мире становилось мучительно. Сознание привыкло к зазеркальному

ритму. Постепенно в их быт вползли новые ритуалы. То, что раньше вызывало ужас — стало привычным и обыденным. Мара строила замок на песке, пропитанном белым шумом.

Их совместное погружение длилось цикл. Бездна внутри требовала больше места. Тьма разрасталась — нервы превращались в оголенные струны Изнанки.

Мара столкнулась с его личным адом. Плакал — искренне, по-детски — захлебываясь бессилием перед удушающим мороком. Он хотел выбраться, но глубина падения превратила спасение в попытку склеить разбитое зеркало. Внешняя коррекция, лишь снимала остроту, оставляя выжженную личность один на один с пустотой. Белые халаты заперли его в палате.

Она продолжала параллельную игру. Школа — те же маршруты, темные углы.

Но тектонические плиты внутри нее уже сдвинулись. Образ «любимого парня» растворялся в белом шуме. Авансцена освобождалась для истинного хозяина реальности.

На первый план вышел хмурый Хозяин Изнанки, который не требует слов и не плачет от бессилия. Единственный, кто обещал быть рядом до самого конца — и, в отличие от людей, никогда не нарушал условий сделки. Он стал её абсолют.

Однажды вечером иллюзия рассыпалась. Земная оболочка выдала критический надлом. Мысли превратились в стаю крыс, мечущихся в черепе. Пришло ледяное прозрение. Она

в западне.

Там воздух был густым от чужого отчаяния. Её пытались отговаривать — не из милосердия, а из страха перед маминскими связями. Но Мара не слушала. Она требовала. Граница, и без того прозрачная, стерлась окончательно.

Все, что было «до» — оказалось затянувшейся прелюдией. Теперь игра пошла по-взрослому. Резкая вспышка. Ткань реальности выжжена дотла. Мир гас. Сознание выключалась щелчком зазеркального тумблера.

Мысли растворялись в вязкой тишине. Вакуум. Полная блокировка земных рецепторов и необходимости чувствовать. Она исчезала — распадаясь на осколки искусственного забвения.

А потом неизбежно наступал спад. Первой возвращалась Тревога. За ней — глухое раздражение на весь живой мир. И, наконец, тоска. Не по людям — не по родителям.

Тоска по Изнанке. Реальность становилась невыносимо серой — липкой от вечных «надо» и «должна». Чем чаще она исчезала «там» — тем меньше её оставалось «здесь».

Эксперимент стал жестким. Появилась своя логистика, чужие лица.

Износ аватара рос. Мгновение иллюзии сокращалось до жалких минут, а промежутки превращались в концентрированный ад. Спустя некоторое время это уже не напоминало бунт. Это был тотальный износ — серое, холодное, лишённое романтики время. Замкнутый круг, из которого не было

выхода.

Персональный ад. Он не врывается с грохотом — он просачивается. Сначала легким холодом под кожей, тревожным эхом в основании черепа, и стремительно превращается в ураган чистого отчаяния.

Сначала Мара просто чувствовала усталость. Но это было фальшивое затишье. Пустота внутри росла — мышцы и суставы в конечностях тянуло и выворачивало невидимой лебедкой. Это лишь прелюдия. Через несколько часов без привычного состояния тело становилось чужим и враждебным.

Кости ныли так, будто их пересобрали в обратном порядке. Невозможно зафиксировать в одной точке. Любое положение — новая грань боли и отчаяния. Просыпался слепой гнев, пытающийся взломать физическую оболочку изнутри.

В голове — сплошной гул. Пульс в висках отбивал ритм критического излома. Тело покрывалось лихорадочным оцепенением — одновременно жарко и до предела холодно.

Жуткий откат растягивает восприятие в разные направления. Каждая точка кажется перегруженной и готовой лопнуть. Прострелы в позвоночнике электрическими разрядами бьют в кончики пальцев. Все превращается в сплошной спазм.

Каждый сантиметр оболочки — одна большая стонущая рана. Каждый нерв оголен, как провод под напряжением.

Взгляд Мары остается ледяным: она хладнокровно документирует разрушение собственного материального кокона.

На следующие сутки наступает точка абсолютного отчаяния. Голова превращается в радиоприемник, настроенный на одну частоту — непрерывный гудящий статический треск. Сознание играет злые шутки: кажется, что вся привычная архитектура рушится, а реальность вокруг начинает физически разлагаться.

Но если выдержать, начинается медленное восхождение.

У этого ада есть горизонт, главное — дожить. И всё же, как только память о прошлой боли стучится в дверь, вскипает дикая паника. Личность расщепляется: одна часть кричит от ужаса и пытается выжить, другая — вкрадчиво убеждает, что выхода нет и нужно немедленно прекратить эти мучения.

Мысли становятся навязчивым кошмаром — как обмануть эту ловушку? Что отдать за минуту тишины? Внутренний кризис фиксирует необратимое падение жизненных сил. Логика полностью парализована страхом окончательного излома.

Всё важное — прежние смыслы, память, теплые воспоминания — выцветает и превращается в пыль. Остается только глухой вакуум в сознании, который намертво блокирует волю и разум.

И когда морок запускает закон тотального распада, в первую очередь под удар попадают внутренние барьеры аватара.

Мара не собиралась нарушать чужие границы и брать то,

что ей не принадлежало. В её семье не было ни нужды, ни жадности. С первых шагов ей вдалбливали правило: чужое брать нельзя, и она с этим полностью была согласна. Но глубина бездны Изнанки установила свои алгоритмы.

И этот новый, жестокий код отменил все прошлые внутренние табу.

Белый шум — великий тактик. Он размывает границы морали медленно, но неотвратно.

Сначала рождаются удобные оправдания, а затем они превращаются в автоматические действия.

Крах случился в школе. Когда из гардероба пропала дорогая вещь, Мару вызвали на ковер. В кабинете, пахнущем старой бумагой, сидел системный надзиратель. Его взгляд был безразличным.

Следы распада на её оболочке были красноречивее любых алиби.

Её отвезли в отделение. Запах сырости, облупленные серые стены, ледяная жесткость казенной скамьи. Но страха не было — внутри жила циничная уверенность: «Мать всё уладит». Так и вышло. Через пару часов он притащил её домой, как побитую собаку.

Слухи, от которых мать отмахивалась месяцами, обрели плоть. Она увидела всё своими глазами.

Мара говорила правду про критический износ своего аватара, про липкий морок Изнанки, про бездну, которая каждое утро смотрит на нее.

Выбора не осталось. Пленение, белый халат с тяжелым взглядом.

Это был первый шаг. Еще не к свободе — до неё были годы плена, но к первому хрупкому шансу на возвращение к истинному свету.

"Чтобы переродиться, сознание должно добровольно шагнуть в изначальную тьму и раствориться в ней"

Амара

ВЯЗКИ И ТЕНИ

Её привязали. Руки, ноги — жесткая фиксация. Пока идет системный сбой, аватар переводится в статус биологической угрозы. Задача протокола — не дать объекту разнести в щепки ни себя, ни персонал.

Мару накрыло волной дистиллированной ненависти. К матери, которая сдала её сюда. К белым халатам с их холодными глазами. К самой себе. К миру, где синхронизация с нормой — единственная валюта за восстановление сигнала.

Оболочка под ремнями горела. Воздуха не хватало — боль внутри раздувалась до размеров сверхновой.

Аватар перестал ей принадлежать. Он стал оккупированной территорией, где критические помехи разрывали структуру. Крик не приносил облегчения — звук зацикливался, рикошета от кафельных стен пустой издевкой.

Принудительный впрыск усыпляющего эликсира. Внешний импульс. Давление, от которого темнеет в глазах — система уходила в аварийную перезагрузку.

Безликие люди работали механически. Чужие руки блокировали любые движения, определяя её как «сложный случай». Холодный приказ оставаться неподвижной повис в воздухе.

Им не снится этот шум. У них не плавятся нервы. Им

неведомо звериное желание — любой ценой остановить эту лавину распада.

В систему ввели подавляющий протокол, и стены поплыли, превращаясь в бледные пятна. Стало не легче — просто тише. Аватар принудительно отключили от питания, оставив разум в темном тамбуре.

В этом вязком полузабытье, Мара приняла решение: «Всё. Хватит». Оно было настоящим, но бессильным, как молитва в заброшенном храме.

Ночью в палату просочился болезненный свет. Сквозняк из другого мира. Тень села слишком близко — так садятся те, кто чувствует безнаказанность. Чужеродный ритм дыхания, запах антисептика. Мара пыталась оттолкнуть гостя, но её конечности были ватной субстанцией, пришитой к матрасу, пришитой к матрасу. Несанкционированный доступ — чужая ладонь накрыла рот, обрывая связь с реальностью.

Через несколько дней она вышла в коридор, шатаясь, как после авиакатастрофы. И увидела его.

Медбрат. Обычное лицо, форма, отутюженная до хруста. Когда он прошел мимо, ночной кошмар обрел плоть. Это был не сон. Едва заметно улыбнулся. В этом взгляде было торжество силы над тем, кого система считает «биомусором». У неё не было ничего: ни улик, ни сил. Только ледяная ярость внутри.

Мара промолчала. В мире, где ремни впиваются в обшивку, вера — роскошь. Правда не имела веса.

Системные влияния сменились процедурами. Долгие часы неподвижности — тупым гулом в висках. Надежда была прозрачной и хрупкой, как тонкий лед.

Вечерами коридор взрывался криками. Привозили свежее «мясо». Снова скрип кожи под ремнями, визг, переходящий в хрип сломанного динамика. Через несколько дней одного из них стабилизировали. Он бродил по коридору и сосредоточенно собирал в ладошку воображаемые точки с линолеума. Искал то, что осталось в другой реальности. Ему было хуже. Намного. Глядя на него, Мара видела свое зеркальное отражение, разбитое на тысячи частиц.

Цикл подошел к концу. Врач чеканил слова уверенно, как торговый представитель:

— Теперь всё. Можно начинать новую жизнь.

Мара знала то, чего не знал человек в накрахмаленном халате: белый шум — великий тактик. Он не бьется в истерику. Он умеет ждать. Он затаился в районе солнечного сплетения, терпеливо наблюдая за её первым шагом за ворота. Стоит в темном тамбуре сознания, прислонившись к стенке, и просто молчит. Пока.

Мара вышла на улицу, и мир обрушился на неё невыносимой, агрессивной яркостью. Всё казалось слишком громким, слишком резким.

Дома ждали стерильный уют, мамины надежды и звенящая пустота. Раньше каждая минута была заполнена поиском ресурса. Теперь — вакуум.

Первый вечер дома пах едой и хлоркой. Квартиру отдраили до блеска, наивно пытаясь вытравить саму память. Мара сидела на кровати и чувствовала себя инопланетянкой, заброшенной на мирную, тошнотворно скучную планету.

ВАТНОЕ ЦАРСТВО

Спустя неделю после выписки домашний консилиум принял решение: эвакуация. Новый город, чистый лист. Врачи кивали: смена декораций сорвет старые якоря. В придачу к билету выдали горькое зелье. Сознание затянуло плотным туманом. Тревога испарилась, но вместе с ней исчезла сама Мара. Мысли работали как древний компьютер: загрузка через силу, зависание на простейших операциях.

Мир укутали в звукоизолирующую вату, превратив реальность в кисельную трясиину.

Родители стали надзирателями. Синхронизация — по часам, контроль — тотальный. Снаружи — идеальная апатия, внутри — гулкая пустота. Суть Мары была размазана. Белые халаты называли это укрощением. На деле — попытка выключить звук у сломанного радио.

Но истинная цель не глушилась. Всё внутри продолжало вращаться вокруг одной оси: взлом доступа.

Связи обрублены, контроль жесткий, но у неё оставался главный козырь — материнское чувство вины. Густое, застарелое чувство за недоданное детство, за разезды и сам факт системного сбоя.

Мара чувствовала эти кнопки кончиками пальцев. Она стала гениальным манипулятором. Мать верила, потому что

отчаянно хотела верить. Быть обманутой было менее больно, чем признать: дочь превратилась в расчетливого игрока.

— Мам, невыносимо скучно... — интонация выверена до миллиметра. По сценарию.

— Можно друг зайдет? Просто поболтаем.

— Опять из «этих»? — в голосе матери надежда пополам со страхом.

— Нет, мам. Новая жизнь. Обещаю.

Того парня, её первую любовь, уже «предупредили» — жестко, переломав все перспективы. Он исчез с радаров навсегда. Конец сцены.

Друг. Перспективный спортсмен. Он, только попробовал тьму на вкус, заигрывая с опасностью. И был безнадежно влюблен в Мару. Один звонок — и механизм запущен.

— Привет. Скучно. Заходи.

Он пришел. Мара не тратила время на беседы — в её мире время измерялось интервалами между импульсами.

— Завтра улетаю. Полет долгий. Мне нужна помощь.

Он кивнул. В этом жесте не было сочувствия, только тупое соучастие. Когда Мара провожала его до двери, она сделала это: буднично изъяла ресурсы из кармана матери и вложила в его ладонь. В её системе координат это было не воровство, а естественный налог на выживание. Она взимала его с этой благополучной реальности за право оставаться в тени.

Утро прошло в лихорадочном ожидании. Он не появился ни на рассвете, ни к обеду. Тревога начала прогрызать дыру

в желудке. Такси. Аэропорт. Гул терминала. Зона ожидания. Громкая связь разрезала воздух:

— Пассажирка такая-то, пройдите в зону досмотра.

Сердце забилося о ребра. Отец замер в недоумении, вглядываясь в её лицо взглядом-сканером. Мара пошла к стойке, чувствуя, как слабеют колени, но удерживая стерильную маску. Там её ждал ОН. Короткий взгляд. Едва заметное движение рук — фокусник позавидовал бы этой ловкости.

Она вернулась к отцу сияющая. Голос — фальшивый колокольчик: «Просто перепроверили документы, пап». В кабинке туалета Мара на мгновение закрыла глаза, позволяя мороку снова занять свое место. Она понимала: за месяц в госпитале организм обнулится. Нужно быть осторожной. Тонкая грань между входом в резонанс и системным отказом.

Через несколько минут её накрыл знакомый вязкий туман. Аэропорт стал лишь декорацией.

Объявили посадку. В самолете реальность начала мстить. Организм устроил гражданскую войну. Мара смотрела в иллюминатор на облака и понимала: она летит в «новую жизнь», захватив с собой старую смерть в кармане джинсов.

Когда белый шум испарился, хлынула Пустота — глухая, вакуумная, абсолютная. Стало ясно: старые настройки стерты. Придется принимать этот новый, чужой сценарий жизни. Она сопротивлялась каждой клеткой, но ловушка захлопнулась. Обратной дороги в «иллюзорный режим» не было.

Мара разделась перед зеркалом. Отражение пугало: несколько килограммов костей и бледного пергамента. Чертеж законченной катастрофы.

В глазах сестры застыл липкий, парализующий ужас. Звучал испуганный шепот о том, что перед ней стоит не человек, а истощенный призрак.

После нескольких лет жизни в Изнанке — где время и материя подчинялись законам белого шума — организм начал жадно заполнять израсходованные ресурсы. Каждая клетка требовала своего — восстанавливала сожженный потенциал.

Мара видела, как меняется отражение. Лицо округлялось, обретая человеческие черты, а взгляд терял ту самую прозрачность, которая так отталкивала окружающих.

Её пугала эта новая оболочка. Она казалась фальшивой, навязанной системой прошивкой. Свежий интерфейс постепенно стирал прежнюю Мару, чья ледяная чистота была ей гораздо ближе.

Режим мимикрии работал на полную мощность: Мара улыбалась, успешно играя роль исправленной версии.

Цвет оболочки изменился за одну ночь. Мир остался прежним, но кожа Мары окрасилась ядовитой желтизной. Произошел критический выброс накопленной токсичности. Белки глаз заполнила плотная лимонная тень — индикатор того, что аватар не справился с перегрузкой. Стал чужим, цитрусовым объектом.

Диагноз прозвучал как приговор к социальной изоляции.

Статус биологического изгоя. Мара оказалась в инфекционном лазарете нового города.

В палате соседка — наглядное пособие по анатомии распада. Худая до прозрачности, с хребтом, выпирающим как забор заброшенного кладбища.

Метки критического износа по всему телу, гнилые остатки зубов, плешь волос и общительность обреченного.

— Несколько суток без сна и тормозов, пожимала она острыми плечами. — Беспорядочные связи аватара.

Мара смотрела на неё с брезгливым ужасом. Слишком грязно, слишком «по-собачьи». Она не осуждала — знала, что каждый выбирает свой калибр для дезертирства из реальности.

Вечером, когда персонал разошелся, вышла в коридор. Облезлый, как в дешевом хорроре. И вдруг — резкий, чужеродный запах, переворачивающий сознание. Она пошла на него, как ищейка. В мужском секторе двое обитателей Изнанки завершали синхронизацию с белым шумом.

Днем система имитировала лечение. Вечером — периферия автоматически возвращалась к заводским настройкам распада.

Местный вкус был грязным. Именно эта тяжесть окончательно раздавила остатки воли, в очередной раз захватив командный пункт её системы.

Прошел цикл. Её выписали. Больничные тени стерлись.

СИГНАЛ ИЗ ТЕМНОТЫ

Рядом притормозил черный джип. Из окна улыбался мужчина — ухоженный, пахнувший приятным ароматом. Тот факт, что новый город не имел старых связей, давал иллюзию безопасности и Мара позволила себе расслабиться. Жизнь была пресной. Требовались приключения.

— Вы не местная. — Он сбавил скорость, поравнявшись с ней.

— Раньше я вас здесь не видел.

— Приехала пожить у океана. Временно.

— Уже видели город?

— Дальше этого района еще не выбиралась.

— Позвольте стать вашим гидом. Покажу места — где этот город по-настоящему красив. Что скажете?

— С удовольствием.

— До встречи вечером.

Она улыбнулась своей самой взрослой — отстраненной улыбкой. Инстинкт самосохранения ушел в бессрочный отпуск. Система безопасности дала сбой.

Вечером город переливался огнями — внизу шумел невидимый океан. Всё казалось декорацией к голливудскому фильму. Спокойно. Красиво. Ничто не предвещало беды. Уже в машине он буднично обронил:

— Заедем по адресу? Короткое дело, а потом — курс в сторону дома.

Выехали за пределы города, туда, где тени становились гуще. Он вышел на пару минут, а когда вернулся, посмотрел в упор.

— Как относишься к системным девиациям?

Воздух в салоне стал плотным. Мара знала только природные протоколы, остальное оставалось за гранью её интерфейса. Этот город был другим — здесь всё дышало иначе.

— Что это? — спросила она. Без страха. С тем наивным любопытством, которое всегда предшествует новому системному сбою.

Он усмехнулся. Легко. Слишком легко для того, кто достал пропуск в ад.

— Ничего особенного.

Машина замерла у берега океана. Ночь была плотной — беззвездной и тяжелой. Черная вода и глухой ритм волн — дыхание огромного, равнодушного зверя.

В салоне запахло чужой, подавляющей силой. Он инициировал соединение — и буднично протянул ей доступ.

Реальность треснула. Кто-то резко оборвал питание. Цвета выгорели, звуки перешли в глухой регистр. Сердце начало бить в рёбра так, будто пыталось вырваться из клетки.

— Что за... — голос не слушался. Воздух стал свинцовым — его катастрофически не хватало. Разум был заблокирован оцепенением.

Паника поднялась по позвоночнику ледяной волной. Включился первобытный инстинкт: замереть или бежать. Вокруг — полное одиночество, ночь, дикий берег и абсолютная потеря контроля. Главное — выжить.

Он спросил, всё ли в порядке. Его голос звучал искаженно, как через слой мутной воды.

Она кивнула. Солгала. Его спокойная, хищная улыбка ей совсем не понравилась.

— Расслабься — бросил он.

Вышел — открыл её дверь и взял за руку. Не мягко, а как берут предмет, который необходимо переместить.

В этот момент декорации «красивой жизни» окончательно осыпались прахом. Мара заплакала — сразу — по-настоящему.

— Пожалуйста... Я хочу домой. Отвези меня домой. Мне страшно.

Он смотрел на неё без злости. С тем же спокойствием, с которым смотрят на дорожную разметку.

— Давай без истерик. Так будет проще. Условия просты: либо полное подчинение, либо эвакуация прямо здесь. И найдутся хищники пострашнее — уверяю.

Тело Мары стало чужим. Выключенным. Разум отступил в безопасную зону — включив режим «присутствия»: находится, но не участвовать.

Океан шумел безразлично — мир не собирался её спасти.

Когда всё закончилось — внутри не осталось ни криков, ни слез. Только выжженная пустота. Он что-то говорил — ненужные слова.

Дорога домой тянулась бесконечно. Мара смотрела на асфальт и находилась в глухом, вакуумном ступоре. Её сознание намертво заклинило на одной мысли: это происходит не со мной. Психика упрямо выстраивала стену отрицания, отказываясь впускать случившееся в реальность. Не было злости, не было страха — только ледяное оцепенение. Разум просто замер, защищаясь от невыносимой перегрузки.

Он притормозил у подъезда. Мара вышла молча — не чувствуя собственного существования.

— Я позвоню! — зачем-то бросил он в спину.

Она не обернулась. В голове гудел белый шум. Сейчас Она проснется и тишина снова обретет вес.

В квартире сорвала с себя одежду, как зараженную кожу. В душе, кипятком бил по плечам — но было мало. Нужна была физическая боль — чтобы перебить ледяной разряд в костях. Она терла себя до крови — пытаюсь выскрести берег, океан и запах чужого присутствия.

Грязь не смывалась. Она пропитала насквозь. Словно кожу сняли без наркоза и вытряхнули изнутри всё тепло. Поселилось нечто чужеродное. Гнилое. То — что не берет ни вода, ни крик, ни мыло.

Мару стерли ластиком. Та — что была «до», осталась на том берегу. Теперь была только Звонящая Пустота. Она

страшнее боли. Боль — это симптом жизни.

Пустота — это тихая смерть. Она сидела на дне ванны в позе эмбриона, пока пар заполнял пространство. Раствориться в каплях воды казалось самым логичным способом обнулить этот системный сбой.

Утро принесло стерильную тишину...

«Выход из критической зоны пройден» — подал голос инстинкт из-под завалов. И в этот момент в голове с детонировала мысль... Сухая — как щелчок курка.

Мара оскалилась в жуткой улыбке. На — мразь. Мой тебе подарок. Он думал, что взял под контроль тело и подчинил волю. Но унес с собой не только триумф силы, но и медленный желтый яд. Пришел черед для отката. В этом сошедшем с ума мире сработала древняя механика возмездия.

Родные вернулись. Квартира наполнилась голосами и запахом кофе. Уютный шум стал акустической пыткой. Мара сидела за столом — как диверсант в центре стерильной реальности. Она механически кивала, делала глотки из чашки и чувствовала себя абсолютно чужой. Внутри пульсировал немой вопрос: «Разве вы не видите — что я стерта?». Но лицо хранило маску, а на языке застыл несмываемый вкус стыда.

Она начала бояться их любви. Любовь требует близости — а близость стала физически невыносимой. Слишком грязная. Дефектная. В голове включился ядовитый критик: «Сама виновата. Нельзя портить им благополучную картинку.

Теперь это просто обуза для семьи. Сначала пойдет жалость, а потом — брезгливое вычеркивание из жизни».

Мара выбрала молчание. Будничную улыбку. Только она и персональный ад — запертый под ребрами.

Психика — великий хирург. Когда боль превышает порог — она ампутирует чувства. Со временем ужас просто сменил агрегатное состояние, превратившись в нечто пригодное для повседневной носки. Мозг выкатил циничный сценарий самообмана: «Ну — подумаешь. Это твоя не первая ночь. Не драматизируй. Бывает».

Это была попытка уменьшить масштаб катастрофы до уровня бытового недоразумения. Если наклеить на произошедшее ярлык «бывает» — оно как будто перестает выжигать костный мозг. Урок получен. Вывод запрограммирован: никаких случайных лиц. Никакого доверия. Никогда.

Жила дальше. На глухом — отлаженном автопилоте — с аккуратно лоботомированной памятью. Убеждала мир и зеркало — что всё в порядке.

Только иногда — в моменты абсолютного вакуума — Пустота возвращалась. Она садилась на край сознания и ледяным шепотом напоминала: автопилот не лечит. Это лишь временная заморозка, которая рано или поздно закончится.

РАДАР ДЛЯ СВОИХ

Вскоре ландшафт изменился: пополнение в семье, суэта, переезд. Сорок минут от города — сорок минут от прошлой боли. Мара приняла это без эмоций, как очередную смену декораций. Жизнь вбила ей в голову: «новое» — не значит «лучшее». Это просто другой вид пыли на подоконнике.

Социализация в поселке прошла быстро.

И тогда она увидела Его.

Он был частью той же системы. Это считывалось мгновенно — на уровне животных инстинктов. По расслабленной походке, по взгляду, который никогда не задерживается на поверхности. По тому, как он держал паузу — небрежно, будто родился с ней.

Сердце Мары ёкнуло — впервые за месяцы онемения. Вдох стал длинным — вязким. Ей захотелось познакомиться здесь и сейчас.

Внутри распускались ядовитые цветы. Это была радость ребенка, который в куче мусора нашел свою старую, любимую игрушку.

Через пару дней случай свел их на улице. Она подошла первой.

В этот момент «тень в углу» — молчавшая в сознании всё это время — довольно потянулась и сделала шаг вперед. Иг-

ра началась.

Пауза затянулась. Воздух задрожал — прошитый невидимым током. Мара смотрела ему прямо в глаза — туда, где за обычным приветствием пряталась знакомая пустота.

Спросила буднично — как о погоде. Без неловкости.

Он ответил прямо. И Мару не накрыло страхом. Её накрыло узнаванием. Это не был сигнал «беги» — это был сигнал «прибытие в пункт назначения».

Она улыбнулась в ответ — той самой улыбкой, после которой любые вопросы отпадают сами собой. Личности такого калибра узнают друг друга без слов — по едва уловимым вибрациям и специфической тени в глубине взгляда. Бесшумный обмен данными, подтвердивший: они из одного теста.

Он ушел — а Мара осталась стоять на пыльной обочине с гулом предвкушения. Всё шло по плану. По её личному плану — где хаос был упорядочен, а происходящее находилось под контролем. Пока.

Именно он открыл шлюзы в тёмные сектора, в локации, скрытые от глаз обычных аватаров. Через его протоколы она получила доступ к белому шуму и впервые оказалась в «узлах концентрации» — домах-призраках, где собирались такие же битые личности, ищущие обнуления.

Остановка. Старая лавка с облупившейся краской. Одиночество здесь превращалось в роскошь. В голове выстраивалась схема — простая, как геометрия: сделать всё, чтобы

дома остаться незамеченной.

Тишину вспорол гул тормозов. Старое такси замерло у обочины, выплюнув столб пыли. Из машины, как цветовой глитч, вылетела она.

Цыганка. Её красота была резкой, хищной. Черные глаза впились в Мару, сканируя метку «чужака».

Система выдала предупреждение: критический конфликт. Цыганка требовала крови. Проводник был её территорией. Она видела в Маре захватчика, претендующего на её аватар. Но Маре не нужен мужчина. Требовался только канал доступа, который он открывал. Инструмент, а не цель.

Когда приоритеты синхронизировались, конфликт обнулится. Вражда испарилась, уступив место выжженному изнутри сестринству.

Однажды подруга взглянула прямо в глаза — туда, где за голубым льдом пульсировала черная дыра.

— Мара... что чувствуешь там, внутри, когда запускаешь сессию?

Мара замерла. Пространство подернулось рябью.

— Это как всю жизнь провести в бетонном бункере, — голос Мары звучал как помехи.

— А потом — рывок. Кто-то выносит шлюз. И впервые вдыхаешь не пыль, а чистый вакуум Изнанки. Но это не обновление. Это Пустота — невесомая и абсолютная.

Подруга впитывала сигнал, как откровение. — Красиво... — прошептала она.

— Красиво, — отрезала Мара. — Но это системная ложь. У этого «рая» неподъемный налог.

Но семя любопытства пустило корни. Жажда познания сбоя оказалась сильнее инстинкта самосохранения.

— Иницируй меня — сказала подруга буднично. — Решение принято.

Мара знала: это билет в один конец. Отката не будет. Мир станет серым, как зола. Белый шум никогда не отпустит.

Она в последний раз спросила об уверенности и получила утвердительный сигнал.

Один жест — и мост за спиной вспыхнул мертвым пламенем. Протокол был запущен. Передача данных завершена. В этот момент Мара поняла: она её потеряла. Подруга начала стремительно стираться, превращаясь в призрачный лог.

Мара больше не была Наблюдателем. Она стала Архитектором чужого распада: чертила маршруты в бездну для тех, кто стоял на пороге.

Она не просит амнистии. Она знает: такие действия не подлежат обнулению.

"В ее мире каждый знал, где лежат спички, но не каждый знал, как их зажечь."

Амара

Система — это когда жизнь сужается до точки. Больше не мечтаешь — не строишь планов — не чувствуешь ничего, кроме изнуряющего сбоя и животного желания его заглушить.

Вещественные доказательства материнской любви уходили кусками. Каждое украшение — жертвоприношение в пользу белого шума.

Когда активы закончились — в ход пошли ресурсы из кошелека родных. Стыд за это изъятие был острее любой физической боли. Но дефект не знал жалости.

Мара толкала коляску, разыгрывая роль заботливой тети — пока внутри разверзалась бездна.

Каждая патрульная машина могла стать концом пути. В экипажах сидели женщины — специально для таких — как она. Это была прогулка в аду под маской обыденности. Жизнь на автопилоте, где топливом был страх, а целью — тишина.

Они проводили аудит с брезгливой тщательностью. Выворачивали сумку — вытряхивая на асфальт остатки жизни. Прощупывали швы — заставляли оттягивать белье. Мара стояла неподвижно. Внутри всё выгорело — остался лишь расчет загнанного зверя.

Она смотрела сквозь них — пока чужие руки нарушали границы. Оставался один рубеж — тот, который они не решились переступить. Проверяли капюшон коляски, складки одеяльца, игрушки. Но не заглядывали — туда, где среди

детской физиологии прятался её ад.

Патруль уехал — оставив запах бензина и липкое чувство осквернённости. Мара поправила одеяльце. Руки не дрожали. Сердце билось ровно — на одной частоте с системой. Снова вышла сухой из воды — но цена этой «суши» уже за пределами человеческого понимания.

ГРАНИЦЫ ИСПАРЕНИЯ

АНАТОМИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Грани не стираются — они испаряются. Быстро. Как капля воды на раскаленном процессоре в тусклом свете системного блока.

Сначала Мара судорожно цеплялась за обрывки совести. Генерировала дезинформацию, выстраивая шаткие баррикады из оправданий: «Я просто заняла», «Все верну». Это финальная сессия. К фальши привыкаешь быстро Грань между кодом и хаосом превращается в туман — и ты не замечаешь момента, когда сенсоры перестают передавать сигнал. Совсем.

Ни вины. Ни страха. Ни стыда.

Она превращалась в виртуоза обмана. Родные — первая и самая легкая мишень. Их главная ошибка — слепая вера старому интерфейсу. Мара методично взламывала это доверие. Извлекала ресурс из кошельков, шарила по карманам близких. Вырывала куски из программного ядра. Сначала забирала мелочь, потом всё, что не защищено паролем. Тихо. Незаметно. Как крыса, обжившаяся под плинтусом.

В этом мире никогда не было братства. Есть только критический дефицит и то, что стоит между сознанием и белым шумом. Транслируется любая ложь, лишь бы получить

обновление. Легко. Имитация структуры или использование технических отходов? Без проблем. Обнуление таких же обреченных, как сама. Плевать на всё, кроме собственного запуска.

Она превратилась в профессиональную дрянь. И самое страшное — ей стало плевать. На их боль, на чувства, на саму себя. Математика проста: либо идешь по головам, либо остаешься без белого шума. А без него сигнал теряется, система уходит в бесконечную перезагрузку.

Иногда ей снятся их лица. Те, кого она обнулила ради белого шума. Стыд прожигает системную плату, но это не становится «стопом».

Утром — рекурсия.

Бег по замкнутому кругу, пока не наступит день, когда система окончательно выдаст критическую ошибку.

Верила, что вылезет. Но когда-нибудь потом. А пока — вязкий туман. Сбой навигации. Локация, в которой идентификатор «Мара» больше не обнаруживается.

В серой зоне предательство стало рыночным инструментом. Там аннулировали любого. Обмен чужого имени на пару месяцев призрачной свободы или шанс избежать системного карантина. Информация — твердая валюта. Ее покупали и продавали. Всё вокруг — товар. И сама Мара — товар с истекающим сроком годности.

Но этот порог она не переступила. За весь концентрированный ад и хаос, в который вляпалась, Мара ни разу не

вскрыла чужой код. Не слила данные в обмен на обновление.

Она не гордилась собой — гордость выглядела системной издевкой. Но это — личный остров. Поврежденный, изъеденный коррозией модуль защиты. Раз не стала «крысой» — значит, в глубокой каверне оболочки еще шел какой-то процесс. Коррозия данных не завершена.

Честь — хрупкая штука, когда хочется содрать скаल्प. Но она оставалась. Тлела слабым сигналом в конце мертвого тоннеля. Последняя точка опоры в мире, где земля давно превратилась в зыбучий техномусор.

ВХОД В ИЗНАНКУ

На окраине поселка — полусгнивший дом, впитавший в себя всех, кто окончательно вылетел из системы координат Матрицы.

Архитектурный аборт застыл у дороги так, будто мечтал скорее лечь в землю. Окна — мутные, затянутые полиэтиленом, который дрожал на ветру, имитируя агонию интерфейса. Сквозь щели в почерневшем дереве сочился густой коктейль: гарь, застарелая статика и плесень.

Хозяйка чистилища — Баба Ржа. Все, к чему она прикасалась — металл, слова, человеческие души — мгновенно покрывалось коррозией. Сгорбленная, ростом чуть выше метлы, она казалась частью интерьера. Лицо — карта застойных язв. Глаза, налитые старым маслом, светились циничным светом.

— Давай... заходи... Что отдашь сегодня за каплю забвения?

Внутри царил культ энтропии. Воздух лип к зубам. На полу, жирные пятна и следы системных жертв. По углам — горы мертвого пластика. В центре — источник тепла, шипящий, как рассерженная гадюка. Каждый, кто заходил сюда, отдавал кусок своей сути за право дотянуть до рассвета. Тени на стенах плясали дикий танец. Время здесь не шло —

оно подыhalo прямо у порога.

Мара протянула купюру — влажную от пота. Когтистые пальцы старухи сомкнулись на бумаге. Ей показалось, что в ладонь впилося само время — ржавое и беспощадное.

— Там, — прохрипела Ржа, указывая вглубь кухонного марева. — Грей своё горе.

Время разлагалось. Воздух закипал статическим шумом. Контур на источнике тепла пульсировал тяжелым искажением — шел запуск реактора по обнулению личности. Она сидела на полу, обняв колени. Тотальный сбой вошел без стука: челюсть выбивала дробь, живот скрутило в ледяной узел, грудь выла от пустоты. Она вцепилась в раскаленный металл — обожгла пальцы и завывала. Тонко, по-щенячьи, как добитый зверь.

Баба Ржа скалилась из угла. В её локации люди сами ковали себе оковы. И пили их — обжигаяще горячими.

Вдруг дверь скрипнула иначе. В чистилище вошли Хищники.

Красивые, пугающе ухоженные, пахнущие мятой и оружейным маслом. «Смотрящие» за поселком. Живые среди мертвых. Один из них замер, глядя на Мару. Во взгляде смешались брезгливость к месту и странный интерес.

— Ты чего тут забыла, малая, в этом гадюшнике? — голос прозвучал резко, прожигая насквозь.

Она усмехнулась — дерзко, с той самой коронной усталостью:

— То же, что и ты.

Он качнул головой. В глубине глаз мелькнула тень заботы, которой Мара не видела годами.

— Я Рома. Мара, значит. Слушай сюда: в этот склеп больше ни ногой. Здесь живьем гниют, ловить тут нечего. Это место для покойников, точка.

Он решил за неё. Властно. В этой диктатуре силы Мара почувствовала родное. Это был не «мальчик из подъезда», а хищник с понятными протоколами.

Они исчезли, оставив аромат «глянца». Так в её жизнь вошла вторая настоящая одержимость.

Рома, как мощный промышленный магнит: дикий взгляд, стальная уверенность и харизма, бьющая наотмашь, как оголенный провод. Мару затягивало в это поле, ломало и собирало заново по его чертежам.

Вечером, гулкий, сытый рокот мотора вспорол тишину еще за пару кварталов. «Прадо» — символ наглого успеха — вплыл во двор. Он за рулем: белая рубашка, расстегнутая на две пуговицы, одна рука небрежно на руле. Улыбнулся ей так, будто на всей планете в этот момент выключили всех остальных.

В салоне пахло кожей и табаком. Они рванули прочь — туда, где заканчивались заборы и начиналась иллюзия свободы. К океану.

Липкая ночь, пропитанная запахом водорослей. Они бежали босиком по мокрому песку, смеялись до хрипоты, бро-

сались в черную нефть воды и валялись на берегу, глядя в бездонное — безразличное небо.

В ту ночь Мара впервые почувствовала себя живой. Кожа горела от соли, а под ребрами стало тепло без помощи белого шума.

В нем пульсировало что-то дикое — выжигающее кислород. Он делал её сильной просто фактом своего присутствия.

Они стали неразлучны. Она познакомила его с родными. Деловой, безупречно вежливый, ухоженный. Семья выдохнула, за белизной его рубашки никто не разглядел тени. Все заглохли легенду о «поставках машин». Универсальное алиби тех лет.

Мара не вникала. Меньше знаешь — крепче спишь. Всё было прозрачно: они собирали налог — контролировали распределение белого шума. Классика жанра. Бандитская опера в три акта.

Он умел красиво говорить, а молчать еще лучше. Шли недели. Вечер, машина, берег.

— Мара, — сказал он, глядя в самую суть её души. — Будь моей. Навсегда.

И достал кольцо.

Существовало только «сейчас». Она не думала о будущем. — Да, — сказала она. — Я согласна.

Но как водится. Счастье долго не живет. Через несколько дней на пороге возникла мать. Без звонка. Как только Мара увидела её, всё внутри оборвалось. Мать была строгой, но в

глазах застыла настороженность.

Вопрос в лоб: — Что происходит? У меня куча вопросов к тебе, дочь!

Мара попыталась улыбнуться, но вышла маска. Визуальные изменения было не скрыть и отсутствие украшений на ее теле тоже.

Вечером пришел Рома. Со взглядом: «Мир мне по плечу». Они встретились глазами и Мара почувствовала, как он напрягся. Профессиональное чутье хищника сработало мгновенно.

— Здравствуйте. Я Роман — жених вашей дочери, — произнес он с достоинством человека, привыкшего к уважению.

Мать усмехнулась. Звук был похож на хруст ломающегося льда. Её взгляд сканировал его — проходя сквозь загар, парфюм и уверенность.

— Ну, здравствуй, «жених». Предъяви оболочку к осмотру, — беспардонно заявила она.

Рома замер. Секундное замешательство выдало его, в этом доме правила диктовал не он. Он медленно начал поднимать рукав, пытаясь сохранить лицо. Но мать была быстрее. Одним хирургическим движением она перехватила его запястье и рванула ткань вверх — к самому плечу.

Тишина стала осязаемой.

На загорелой коже, под ослепительным хлопком — проступали рваные, жестокие линии необратимого сбоя. Контраст между внешним лоском и этим внутренним разруше-

нием был невыносимым.

Мару накрыло ледяной волной: всё. Финал. Маска сорвана не только с Ромы, но и с её призрачного счастья. Мать посмотрела ему в глаза — без страха, с концентрированным презрением.

— Чего и следовало ожидать, — выплюнула она. А затем, не оборачиваясь к дочери, добавила тихим, бьющим наотмашь голосом: — Пошел прочь из этого дома.

У Мары подкосились ноги. Он ушел молча. Мать повернулась к ней и её взгляд был страшнее крика. Она снова ампутировала любовь дочери — как когда-то сделала с «первым».

— Ты летишь домой. Завтра же.

Тягучая тишина в доме взорвалась обыском. Родственники — еще вчера верившие в «новую жизнь», теперь с брезгливым любопытством разглядывали её оболочку. Прятать было нечего, на аватаре не осталось живого места. Только выжженная схема критических сбоев.

Голос матери резал воздух: — Куда ты смотрела?! — кричала она сестре. — Как ты допустила, что она сделала это с собой снова?

Сестра молчала — раздавленная беспомощностью. Между младенцем и хозяйством...

— Собирайся. Завтра рейс. Ты же обещала! — мать сорвалась на крик. — Я заплатила за твоё спасение огромные деньги, а ты... Как ты могла, Мара?!

Слёзы душили. Она смотрела на мать, пытаясь ухватиться за обломки рухнувшего мира.

— Клянусь, я больше не сорвусь! Оставь меня здесь. Я люблю его, всё изменится!

Мать ответила взглядом, в котором была только ледяная пустота.

— Я не верю ни одному твоему слову, — отрезала она. — Мы едем восстанавливать тебя. Снова.

Рому она больше никогда не видела. Ослепляющая вспышка в мире теней. Единственный, кто коснулся закрытых уголков её настоящего «Я». И убедил, что она достойна большего.

Мара запомнила его лицо навсегда. В его глазах пульсировало что-то живое, способное согреть в беспощадном холоде Изнанки. Он был спасением и проклятием — мощным, настоящим.

И вот он исчез. Как туман над океаном. Она не успела сказать «прощай», не успела встретиться взглядом. Когда он уходил, она просто стояла, парализованная финалом.

Теперь она снова была одна. Но пепел внутри стал другим. Он научил её верить в себя на мгновение и это знание только усиливало боль. Она поняла истину: в этой жизни проходит всё.

Когда рухнуло последнее счастье, ненависть выжгла её изнутри. Мара сделала то, что умела лучше всего — ушла в глубокую тень. Домой. Без мыслей. Без слов. Пустая оболочка.

ка, имитирующая исправность. Она не хотела «нового листа», она хотела, чтобы система просто остановилась.

РЕЖИМ ОБЪЕКТА

Забвение больше не было целью, оно стало единственным режимом функционирования. Иллюзия нормальности рассыпалась еще до того, как шасси коснулись бетона. Система не ждала возвращения блудной дочери, она вышла на перехват прямо к выходу из терминала.

В голове, как заезженная пластинка, крутилось имя того, к кому идут не за исцелением, а за полной остановкой сознания.

Прибытие домой казалось возвращением в «нормальность». Нужно было просто встретить своих. Почувствовать, как знакомая пустота услужливо притворяется счастьем. В этом цикле распада исчезнут мысли. Сотрется память.

Мара уже видела эту картинку: встреча, тусклый свет подъезда и они снова вместе, связанные одной грязной тенью. В мире, где не нужно быть сильной. Где не нужно помнить. Из этого кокона не хотелось вылезать.

Ей казалось: один привычный шаг и система окончательно уйдет в автономный режим. Не будет дней, когда она верила в завтра. Не будет ощущения его рук на плечах. Она снова станет «никем» и это будет её высшей свободой. Она сотрет этот миг как неудачный дубль. Так легче.

Уже ночью Мара начала метаться по квартире, как ране-

ный зверь. Орала, что она в аду. Сбивала кулаки о стены. Не спала. Воздух в комнате стал плотным. Казалось, в нем материализовались её худшие кошмары и она пыталась вырвать эти черные тени из аватара голыми руками.

Мать была на грани. Она не понимала — кого спасти первым: дочь или себя от этого безумия.

Дежурила у кровати, наблюдая, как из Мары один за другим выползают накопленные месяцами бесы. Это было кино не для слабонервных. Чтобы смотреть такое, нужно иметь сердце из стали и желудок, способный вынести запах распадающейся души.

Через неделю Мара «созрела». Выжженная дотла. Опустошенная. Лишенная воли. Она была готова ехать куда угодно, лишь бы этот конкретный тупик в четырех стенах прекратился.

«Новый Мир» выглядел как акция в супермаркете: «Оплати три греха — четвертый в подарок». На деле — скелет старого пионерлагеря. Километры бездорожья до цивилизации. Идеальное место, чтобы заблокировать доступ к внешнему миру.

Масштаб катастрофы: к моменту заезда Мара не умела и не хотела делать ничего. Она была ребенком, которого матери было проще откупить подарком, чем воспитывать. «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало» — эта народная мудрость в их доме превратилась в технологию откупа.

И вот эта «принцесса» на полном ходу влетает в ледя-

ную дисциплину. Система больше не принимает её платежи. Вместо украшений — грязные полы. Вместо купюр — тряпка и швабра.

Добро пожаловать в «Новый Мир». Лес. Почерневшие деревянные бараки. Панцирные кровати, впивающиеся в ребра. Температура в спальне — уверенный минус два. Еда здесь была не для удовольствия, а для поддержания биологического горения: пустая каша на воде и суп, который видел мясо только на этикетке.

Вместо модных шмоток, тяжелый тулуп и валенки, пахнущие чужим потом. Вокруг — «братья и сестры», каждый несет в глазах свой выжженный ад. Жесткая сегрегация. Никакой музыки. Никакого никотина. Никакого мата. Из развлечений — только Библия и бесконечная изнуряющая работа.

Подъем в пять утра.

«Полный коллапс». Родственники — раз в месяц, строго за забором. Передачи досматриваются с тщательностью таможни. Мара кожей чувствовала: это не центр. Это лесная тюрьма с крестом на крыше.

К ней подошел Старший. Он молча разглядывал её руки, на которых поблескивали длинные ногти. — А это что за когти? — он склонился к ней, будто собирался ставить пломбу.

— Маникюр, — ответила на автомате, включив привычную «принцессу».

Он заржал. Громко, с подвыванием.

— Маникюр! А фекалии кто убирать будет? Ты, наряженная? Этими вот ногтями?

Мара зависла, пытаясь переварить незнакомое слово.

— А что такое... фекалии?

— Дерьмо, выражаясь по-русски. Оно тут в деревянном сортире застывает сталагмитами. А вас сорок человек. Лед с отходами приходится выдалбливать железным ломом, грузить в ведро и тащить в лес. Вот такая работенка тебя ждет. Справишься со своим маникюром? Иди снимай. Живо!

Снова этот мерзкий смех в лицо. Мара стояла ни жива, ни мертва. Её встроенная корона трещала — как лед под ногами. Добро пожаловать в котел «духовной чистки», принцесса. Твое минное поле готово.

Несколько месяцев она прозябала в этом филиале ада. В Бога не верила, обходилась без посредников. Дисциплину ненавидела так же люто, как всё стадное существование: вкалывать за «спасибо», давиться кашей и наблюдать за фальшивыми конвульсиями «спасенных».

Мать, заколотившую её в этот лесной гроб — Мара ненавидела всей душой. Чисто. Концентрированно. До физической тошноты. За тишину в пустых комнатах, где не было её присутствия. За прогулки, которые не случились. Годами Мара видела один и тот же кадр: мать растворяется в очередном мужчине, пока дочь грызет лед одиночества.

Ненавидела за развод. За то, что мать работала хирургом в её жизни — входила без стука, безжалостно ампутировав тех,

кто был её единственной грелкой. Но под коркой ненависти пульсировала постыдная правда. Мара хотела, чтобы мать стала другой. Близкой. Любящей. Своей.

Это была безответная любовь, самая грязная форма зависти. Мара ненавидела ту, которую любила. И эта любовь была ядом. Запихнуть, запереть, сдать в утиль под вывеской «спасения» — чтобы не портить картинку бытия. Мара стояла у гнилого забора и понимала: это не лечение. Это очередная попытка стереть её из реальности.

Вскоре в центр заехал новенький. Бэкграунд, расписанный на лице шрамом — подарок отца, полоснувшего сына бутылкой. Классическая симфония боли: родители — узники собственного ада. Дно, под которым обнаружился подвал с видом на бездну.

Они сдружились. Было легко, он понимал язык шрамов без перевода. Просто слушали друг друга по-человечески. Без дежурных «держись» и религиозного пафоса. Ощущение того, что ее наконец-то понимают, было приятным.

Когда абсурд перешел в критическую стадию, Мара осознала: она — раб. Местная исправительная система была изощренным актом мести здравому смыслу.

Утренняя терапия: мешки гречки и пшена высыпали в одну кучу. Задача — рассортировать обратно вручную. До дзиня или до белого каления.

В другой день — миссия «Чистый лес»: выгрести хвою или сугроб в кучу, перетаскивать и снова рассыпать. Она на-

училась рубить дрова и топить печь. Бессмысленность процесса была эталонной.

В банные дни — новая пытка: тебя запирают в бане, тридцать комплектов постельного белья, кусок хозяйственного мыла и тазик. Стирать руками до кровавых волдырей, пока кожа не начнет слезать лоскутами. Так на этой «Планете обезьян» приучали к труду.

Мара стирала белье и сортировала крупу, еще не понимая: этот тупой труд — единственное, что удерживает её личность от полного распада. Только спустя годы она признает: этот опыт был во благо. Но тогда это была бесконечная серая каторга.

Она ненавидела здесь каждую молекулу: осклизлые каши, молитвы, хвою и статус «сестры». Но в этом трэш-реалити произошел тектонический сдвиг — она стала сильнее. Сталь закалилась в ледяной воде. Она научилась всему: чистить картошку на роту солдат, драить полы и самое трудное, подчиняться.

Решение было принято мгновенно. Ночь прошла в лихорадочном бодрствовании. Мара лежала в кубрике, притворяясь спящей и просчитывала маршрут. Главное, уйти не замеченной, прорваться сквозь чашу, а что дальше — разберемся по факту.

Она знала, что ждет беглецов. В «Новом Мире» не было карцеров. Там практиковали психологический садизм: сорок человек выстраивались в плотное кольцо, брались за руки и

начинали хором, ГРОМКО молиться прямо в лицо жертве.

Сорок голосов, сливающихся в вибрирующий гул, вбивающий в землю сильнее удара. Коллективный транс, призванный выжечь остатки воли.

Назначить Сатаной могли в любой момент. Жертва замирала в центре, а они выплевывали в её сторону молитвы, будто изгоняли бесов из собственной тени.

— Господи, избавь её от лукавого! — орали с исступленным восторгом. Коктейль из экзорцизма и завуалированной психологической жести.

Наступило утро. Всё шло по плану: сонная суета, сборы на свидание с Богом. Мара умылась, оделась, изобразила смирение. Но у неё на этот рассвет была другая встреча. Она выскользнула во двор, стараясь слиться с сумерками. Воздух был колючим. Он уже стоял там, в тени барака. Парень со шрамом. Безмолвный, собранный, как взведенный курок. Между ними не было слов — только вибрирующая жажда свободы.

Уходили молча, быстрым, рваным шагом — прочь от бараков, к стене леса. Никого. Чисто. Ура.

Стоило веткам сомкнуться за спиной, они сорвались на бег. На пределе легких, туда, где заканчивался «Новый Мир» и начиналась неизвестность. Они были уверены, что проскочили, но на первой же передышке обернулись и замерли.

За ними, ломая кусты, неся третий. Бежал целеустремленно, как сайгак.

— Ты что тут забыл?! — выдохнули хором.

— Вы побежали и я побежал, парень пожал плечами, буд-то просто свернул с утренней пробежки. — Не сдам, расслабьтесь. Меня там тоже всё достало.

Они стояли втроем посреди равнодушного леса. Воздух звенел.

— Ну что? Кто куда? — спросил Шрам, вытирая пот со лба.

Мара понимала: в центре уже подняли шумиху. Матери летит звонок: «Ваша девочка в бегах». Поисковые механизмы запущены. Возвращаться домой — гиблое дело. Найдут, упакуют и сдадут обратно в ту же яму, только с двойным рационом молитв и ледяной дисциплины.

— Пойдем ко мне, — предложил Шрам. — Тут недалеко, минут сорок через чащу. Моя деревня. Там пересидим.

Двинулись вглубь. День выдался пугающе идеальным: лес дышал росой, бабочки порхали, как в кадрах Миядзаки. Мара шла, вдыхая коктейль из хвои и адреналина, и думала: «Вот она. Свобода».

Дом на поляне выглядел как декорация к забытой сказке. Огромное пространство, залитое медовым светом, высокая трава. Посреди этого буйства стоял он — облезлый сруб с кривой крышей. Дом смотрел уныло, будто знал: ему принесли только беду.

Но поляна пахла так, что кружилась голова. Мара впитывала лето каждой порой, вдыхая свободу как кислород после

долгого удушья. В тот миг казалось, что она родилась заново.

Она не знала, что персональный ад не закончился — он просто сменил декорации.

— Стойте здесь, — бросил Шрам и исчез за сараем.

Она осталась наедине с безупречным утром. На одну короткую секунду Мара поверила, что выбралась. Не просто из центра, а из самой себя, из своей выжженной белым шумом тюрьмы.

Шрам вернулся через пару минут. Толкнул калитку одной рукой, а вторую прятал за спиной — небрежно, буднично.

— Проходи, — коротко бросил он.

Она сделала шаг, и мир взорвался. Звуки исчезли. Она инстинктивно вскинула руки к голове, ощущая, как реальность становится пугающе вязкой. Свобода окрасилась в иной цвет — цвет критической ошибки.

Мир поплыл, когда Шрам подхватил её обмякший аватар.

— Зачем ты с ней это сделал?! — взвизгнул третий, чей энтузиазм испарился при виде расправы.

— Беги, пока цел, или получишь следом, бросил Шрам.

В доме пахло тленом и застарелым распадом. Хозяйка — старуха с лицом из трухлявой древесины, встретила их криком:

— Кто это такая?! Зачем притащил?!

— Заткнись, мать. Мы на ней своё возьмем.

Это были последние слова, которые Мара зафиксировала перед тем, как провалиться в черный колодец.

Она очнулась от того, что голова превратилась в генератор помех, набитым стекловатой. Реальность возвращалась рывками, принося липкий системный ужас.

— Не дергаться. Сама же со мной сбежала, — шептал он, обдавая запахом гнилых зубов.

— Нет... пожалуйста... — голос Мары был едва слышным хрипом.

— Замолчать и подчиняться. Отныне оболочка — часть моей системы.

Он принудительно инициировал обновление — тяжелый, чужеродный протокол. Вязкий шум мгновенно заполнил каналы восприятия, парализуя волю.

Мир начал таять. Боль, унижение и страх смешались в серый туман. Свобода обернулась пленом в вонючем доме, где жизнь стала ресурсом для двух монстров. Мара хотела закричать, но система заблокировала голос. Аватар превратился в неподвижный массив, сознание — в мертвый пиксель.

Она больше не была человеком. Превратилась в биологический объект. Внутри бушевал крик, снаружи царило мертвое молчание. Удар в живот согнул её пополам, выбив остатки кислорода. Она попыталась закричать.

— Тварь! — Шрам задыхался от собственной, ничем не обоснованной ярости.

Он схватил грязную ткань валявшуюся на полу пол века. Кляп. Запах гнили впечатался в подкорку навсегда, он до сих пор стоит перед глазами, стоит только закрыть веки.

Каждый раз, когда сознание пыталось вынырнуть на поверхность, начинался новый круг ада. Тени расплывались. Смерд дешевого суррогата окутывал реальность. Чужое дыхание, жадные руки, животная похоть. Лицо старухи, созерцающей этот ад равнодушно и цинично.

Образы стирались, оставались только запахи и ощущение полной оскверненности. Мара потеряла счет времени.

Шрам методично блокировал её систему тем самым протоколом, который поддерживал её вне собственного аватара.

Он не давал ей ни еды, ни воды — просто чтобы не спровоцировать преждевременный отказ систем. Расчетливо. Цинично. Она была ресурсом, который нужно эксплуатировать до полного износа.

Очнулась. Опять по той же схеме. Сколько это длилось, несколько суток или вечность — понять невозможно.

Мара лежала на ледяном, пропитанном холодом полу. Рядом — корка засохшего черного хлеба. Справа, на куче мусора, в тяжелом беспомоществе храпела мать Шрама. Воздух в комнате был пропитан тленом.

Каждая клетка выла от жажды. Она снова чувствовала, как бьется её сердце. И в ту секунду ей было искренне жаль. Очередной вдох бил наотмашь. Каждая минута — как удар плети по обнаженному коду.

Когда я уже обнулюсь? Боже, просто забери меня», этот вопрос пульсировал в голове, не находя ответа. Но на том конце провода было глухо, будто связь с этой планетой обо-

рвали за неуплату.

И вдруг — шаги. Быстрые, уверенные. Не вороватая походка местных, а чеканный ритм тех, кто привык открывать двери ногами.

Паника вскипела в груди: «Опять?! Нет! Почему я до сих пор жива?!»

— Она здесь! — голос разрезал смрад. — Нашли!

Мара оторвала голову от пола. Мутные пятна обретали контуры. Свои.

— Пожалуйста... заберите меня отсюда... — прохрипела она. Руки дернулись вверх, как у сломанной марионетки.

— Доченька... живая... — это были мамины всхлипы. — Всё, родная. Мы едем домой.

Мать искала её несколько суток. Подняла всех: патрули с их имитацией деятельности и игроков изнанки, державших город. Нашли, конечно, вторые. Те, кто выносил Мару из вертепа, выглядели устрашающе, но она знала их с детства. Это были те самые люди в кожаных куртках.

Однажды они уже меняли её прошивку: закрывали в помещении без окон, кормили кашей по расписанию и читали лекции о том, что путь Изнанки заканчивается в сырой земле. Её волю выжигали дотла, но тогда это не работало. У Мары отсутствовал предохранитель страха. Она была уверена: всё будет так, как хочет она. Но этот дом показал, жизнь может просто раздавить душу и тело.

— Где твой ублюдок?! — мамин крик полоснул воздух

избы, как бритва.

Старуха в углу тряслась от страха и перегара:

— Не знаю... Скоро придет...

— Ждем, — отрезал старший.

Парни подняли Мару. Осторожно, по-братски накинули на истерзанную оболочку рубашку. Она почувствовала тепло и запах табака — первый признак возвращения к жизни.

Мать посмотрела на парней. В её взгляде не было ни капли сомнения, только ледяная, расчетливая ярость хищника, защищающего своё. Она знала этих людей, знала их методы и знала, сколько стоит тишина.

— Закроем вопрос окончательно, — ответил один. — Следов не останется.

— Действуйте, — бросила она, и в этом слове лязгнул заговор. — Ресурс не ограничен. Сделайте так, чтобы этот дом навсегда исчез вместе со всеми обитателями Изнанки.

Один из «бритых» молча кивнул.

Мару бережно, как хрупкую руину, понесли к машине. Она знала: за неё будет выплачен долг. Это знание согрело выстуженную душу лучше любого одеяла.

Мать шла следом, чеканя шаг по гнилым доскам крыльца. Мара чувствовала, как мелко дрожат её железные руки — не от страха, а от перенапряжения воли.

Машина тронулась, мягко шурша гравием. Мара лежала на заднем сиденье, не понимая: жива она или это затянувшееся адское послесловие. Она слышала, как затихает шум

деревни, и знала: за спиной начинается очищение. Не просто огонь в старом срубе, а стирание самого факта её позора из памяти мира.

Сделка была закрыта. Справедливость оплачена жестокой ценой.

Жизнь вернулась за ней, но не спешила звать обратно в свой круг. Тело напоминало разбитый сосуд, из которого вытекло всё содержимое. Душа выгорела, превратившись в поле после проигранной войны.

На заднем сиденье ей впервые за вечность стало тепло. Пусть на грани небытия.

Она уснула. Или окончательно обнулилась. В её состоянии разница была чисто технической

Потом — вспышка. Мир пришел в движение. Свет. Шорох. Когда веки разомкнулись, над головой плыла тусклая лампа. Она покачивалась, как грязная луна в луже. Каталка гремела по бетону, подпрыгивая на стыках. Тряска отдавалась тупой болью, голова гудела, как перегруженный трансформатор. Но сознание фиксировало этот металлический грохот.

— Наконец-то... — сорвалось с сухих губ.

Гул голосов, пульсирующий потолок, мелькание белых халатов. Это был уже не сосновый плен и не дом, пропахший гнилью. Это был новый фон — стерильный, пахнувший спиртом и надеждой.

Через мгновение — абсолютная тишина, и глаза откры-

лись. Комната. Знакомые стены. Мать. Дом.

Мара проснулась так, будто это было обычное утро. Никакой боли в костях. Никакой паники. Произошло чудо: казалось, последних дней не существовало. Вообще. Мир обнулится.

Психика — великий хирург, работающий без анестезии. С Марой произошло то, что называют диссоциативной амнезией. Мозг выдернул кассету с записью деревенского дома и нажал DELETE.

Пробуждение было чистым — без слез и без единого кадра из той тьмы. Сознание возвело глухую стену, отделив «Я» от невыносимого кошмара. Инстинкт выживания запер крики в самый темный чулан подсознания.

Эта стерильная пустота была страшнее всего. Мара не чувствовала, от чего спаслась. Она не знала, где была.

Вечером зашла подруга — торговка иллюзиями о «райской реабилитации». Она прищурилась, вынюхивая в воздухе запах катастрофы.

— Как ты?

— Отлично. Жить можно, — Мара пожала плечами. — Скучно как-то. Может, в клуб рванем?

Подруга медленно покачала головой:

— Точно не сегодня. Слушай, это правда, что тебя нашли там...?

— Ты, о чем говоришь? — Мара вскинулась, внутри мгновенно закипело раздражение. — Я просто покинула пери-

метр и вернулась домой. Не дорисовывай того, чего не было.

Она не слышала, как мать из кухни шепнула: «Не надо, Даша. Она ничего не помнит. И слава богу...»

Подруга, которая сама уже через год после этого лесного ада по уши увязла в прежних ошибках, вздохнула:

— Я снова собираюсь на изоляцию. Может вместе? Всё равно ведь опять на те же грабли наступишь.

— Поехали. Но чуть позже. Я побуду немного дома.

Мара ответила легко, почти небрежно. В её вычищенной памяти не осталось страха, только зудящее желание сбежать из этого вакуума.

Она не понимала, что соглашается на новый виток спирали, ведущей вниз. Стена, которую возвел мозг, надежно скрывала обрыв, у которого она стояла.

АРИФМЕТИКА СУДЬБЫ

Пока Мара совершала свое принудительное турне, мать расширяла влияние. К основному бизнесу добавилось заведение общепита — идеальная локация для коннекта с «нужными» людьми и способ держать дочь на коротком поводке. Мара получила «корочки» бармена. Это было камуфляжем: мать хотела, чтобы объект надзора всегда находился в поле зрения.

В один из серых будней в заведении появилась женщина. Мать жестом пригласила Мару за стол.

— Это Нина, — представила её мать с придыханием. — Она видит то, что скрыто.

Мара протянула ладонь. Тогда предсказания казались ей аттракционом для слабых; она не верила ни в бога, ни в черта, полагаясь лишь на арифметику износа своего организма. Нина долго всматривалась в линии, словно читала сложный программный код.

— Ты будешь счастлива, когда созреешь», — произнесла Нина, не поднимая глаз. — Вижу два брака. Истинное счастье — со вторым. И дети. Трое. От разных мужчин.

Мара рассмеялась. Звук был коротким, как выстрел. — Какие дети? Я их вообще не люблю. Это ошибка, Нина.

Но женщина продолжала, словно диктовала условия кон-

тракта:

— Первый сын, вторая — «юбка», девочка... И третий, совсем поздний. Ты будешь богата. Придешь к этому сама, после сорока лет.

Мать Мары иронично усмехнулась:

— Сама? Она у нас вообще ничего не может сама.

— Время покажет, — отрезала Нина, сжимая пальцы Мары с неожиданной силой. — Я говорю — сама. Заработаешь много. Позже получишь наследство, но оно тебе будет уже не нужно.

Когда Нина ушла, Мара долго ворчала, называя её сумасшедшей. Пророчество казалось багом в её мире одиночки.

Она вспомнит этот разговор позже, спустя долгие годы. В момент, когда появится «юбка» — вторая дочь. К тому времени предсказания начнут сбываться одно за другим, методично, как пункты в чек-листе.

Мара посмотрит на руку, где линии судьбы стали дорожной картой. Она шла по ней всё это время. И теперь ей станет интересно: чем закончится этот список?

НОВЫЙ МИР

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Второй заезд в «Новый Мир». Мара старалась: вкалывала на хоздворе, молилась до хрипоты, читала Библию, уговаривая себя, что это и есть восстановление. Но через семь месяцев духовный путь перестал действовать. Стены этого лесного плена начали сжиматься. Она уговорила подругу на побег.

Мара уже была профессионалом. Четкий расчет: полтора часа лесом, деревня, сонный городок, автобус до дома. Нужны были деньги на билет и еще один в Изнанку, чтобы окончательно перевернуть страницу этой принудительной святости.

Мать, сама того не ведая, спонсировала этот побег. Недавняя «гуманитарка» — несколько пачек мыла, стиральный порошок, фен и новое платье. В условиях лесной изоляции эти вещи превратились в твердую валюту. Продать всё по дешевке означало собрать бюджет.

Побег шел по обкатанной схеме: серый рассвет, шаг в мокрую от утренней росы хвою, спринт. На полпути реальность дала трещину. Подруга зашла в истерике:

— Мара, мы же снова на те же грабли! — Я не хочу, мне в этой глуши... было спокойно!

— Ну ты даешь! Половина леса за спиной?! — Мара не

умела сочувствовать слабости.

— Прости... я назад. Подруга нырнула обратно в объятия «Нового Мира», а Мара припустила к деревне.

Маленький городок встретил унылым лицом и запахом спирта. У автовокзала застыл знакомый натюрморт. Лица, которые Мара считывала за версту. Свои.

— Привет, парни, — подошла без сомнений. — Помогите в город уехать. Я из леса сбежала, домой хочу очень.

— Опа, беглянка! Рассмеялись они. Слышали про этот «Новый Мир». Поможем, — бросил один. — Присаживайся, вместе подождем.

Время тянулось как старая жевательная резинка. Парни активировали сделку с бездной. Мара стала частью этого системного сбоя. Цинично фиксируя, как белый шум возвращает привычное онемение.

В итоге остался один — рыжий парень с ушами-локаторами. Обычный такой районный тип.

— Ладно, пошли — бросил он.

На вокзале реальность выставила барьер: доступ к рейсам на сегодня закрыт. Тупик. Рыжий предложил вариант:

— Переночуешь у нас. Матери скажу — старая знакомая, опоздала на транспорт. Она не будет против. Завтра восстановим маршрут.

— Мара кивнула. Выбора не было.

Квартира — застывший советский быт. Мама Рыжего оказалась трогательной женщиной. Чай, домашняя еда, мягкий

свет абажура. Ночью — диван для гостей, пол для хозяина. Никто не нарушал границ. Стерильная идиллия посреди системного сбоя.

Утром — сборы. План прост: реализовать остатки ресурсов, восстановить баланс и на вокзал.

Отправились к его приятелю. Парни ушли вглубь квартиры. Зашуршали дела. Мара подошла к трюмо, привести себя в порядок.

— Есть расческа? — крикнула она.

— Открой, посмотри!

Она выдвинула ящик. Время замерло. Джек пот. Золотая печатка.

Тяжелая. Она блестела в полумраке. Инстинкт выживания сработал быстрее морали: в её мире всё, что не имело защиты, меняло хозяина. Без лишних мыслей артефакт переключал в карман.

На вокзале прощались почти тепло. Мара махнула Рыжему рукой. Сентиментальный кадр из нуарного фильма, который она только что обнулила.

В автобусе Матрица продолжила игру в поддавки. Сосед по креслу оказался скупщиком. Мир не просто шел навстречу, он кланялся в пояс.

Ресурс был конвертирован в валюту прямо в пути. По приезду в город, прямой наводкой в нужный сектор, к проверенным кадрам.

Взлом нейронов — провал. Время превратилось в вязкий

кисель. Пространство свернулось до звенящей пустоты.

— Доступ есть? — прохрипела она, еле открыв глаза на пятые сутки.

— Нет. Лимит исчерпан. Пусто

— Ок. Я домой.

Телефонный звонок разрезал предрассветный сон матери, как скальпель. Голос в трубке был ледяным:

— Вам нужно приехать на опознание. Обнаружено тело молодой девушки. Приметы совпадают.

Земля ушла из-под ног. Звуки исчезли, а в груди образовался вакуум. «Только не она», пульсировало в висках. Мать ехала в морг как биоробот — почти без пульса. В глубине души она давно репетировала этот сценарий. Иногда казалось, что увидеть дочь в гробу будет легче, чем смотреть, как это зомби методично убивает себя на её глазах.

Морг встретил холодом и сладковатым запахом окончательности. Кафельный пол, стерильное равнодушие стен. Простыня. Резкое движение санитаря. Секунда, растянутая в вечность. Мать заглянула в лицо девушки и только тогда легкие пропустили воздух.

Это была не её дочь.

Тот же возраст. Те же черты. Болезненная худоба и цвет волос. Похожа до жути. Но — чужая. Мать разрыдалась. Это были страшные слезы: коктейль из дикого облегчения и ужаса от того, как близко она подошла к краю. Будущее было похоронено, но сегодня гроб оказался пуст.

Телефон взорвался вторым звонком.

— Алло, мам. Привет. Это я.

— Ты где?.. Живая? — голос матери вибрировал от электрического напряжения.

— Живая. Я в соседнем доме.

— Сука ты, Мара. Бессердечная... — мать выдохнула это как последний воздух из пробитого легкого. — Ключи у соседей. Приеду вечером.

Она выдохлась. Истощение выжженной земли, где не растет даже ненависть. Внутри не осталось ни криков, ни упреков. Только ватное молчание. Слишком много было клятв и пустых обещаний. Любовь превратилась в обугленный скелет. Лимит веры был исчерпан.

Мать больше не могла существовать в неведении, вздрагивая от каждого сигнала и ожидая вестей. Каждый раз она готовилась увидеть оболочку под простыней, настраивала себя на окончательный холод, но этот глитч неизменно возвращался.

Это не была борьба за спасение. Это была затяжная осада, где обе стороны выгорели дотла. Мать смотрела на дочь и видела лишь биологическую конструкцию, внутри которой поселилось нечто чужое. Сказки о «новой жизни» кончились. Наступило время чистой, беспримесной Тьмы.

Мара продолжала методично измываться над остатками их общей реальности.

Глаза выдавали глубокое погружение в бездну. Мать

встретила её на пороге. — Опять?

— Нет, мама! — Мара парировала мгновенно. — Тебе кажется. Система в норме.

Мать смотрела в её глаза на автомате. Она знала все способы имитации нормальности, знала каждую уловку. Это был танец на краю, который обе выучили наизусть.

— Хватит лгать! — отрезала она. — Собирайся. Вызываю такси. Едем подтверждать твой окончательный износ.

Ночь. Город за окном расплывался серой кляксой. Единственный сектор в мегаполисе, где в те годы еще умели вычислять белый шум. Никаких мгновенных ответов. Только путь через спящую Матрицу за бумажным приговором.

Ехали молча. Мара лихорадочно искала лазейку, а мать смотрела в темноту. Там, впереди, её дочь давно перестала существовать.

Их бесконечный танец. Одна вдохновенно лгала до хрипоты, хотя распад был очевиден и без пробирок. Вторая одержимо пыталась зафиксировать системную ошибку, прижать к стенке, ткнуть носом в факт износа.

Приемный покой: тусклый свет, запах дешевого антисептика. Сонная медсестра, не глядя в глаза, выдала стеклянную тару.

— Уборная в конце коридора.

В голове гудело: «Конечная». Раньше угрозы были блефом, системной проверкой на прочность. В эту ночь блеф стал реальностью. Мара стояла в тесном отсеке, сжимая стек-

ло. Соскочить не получится. Но инстинкт манипулятора работал быстрее совести. Тумблеры щелкали, перебирая варианты обмана.

За тонкой дверью мать мерила коридор шагами. Каждый шаг — удар молота в висках Мары. Карательная операция. Матери нужно было юридическое право на ярость. Официальное подтверждение сбоя, чтобы со спокойной совестью обрушить на оболочку всю тяжесть приговора.

И тут — финальный аккорд. На подоконнике стояло кладбище биоматериала. Грязный склад чужих отходов. Шведский стол для тех, кому нужно скрыть следы распада.

Мара, содрогаясь от брезгливости, смешала чужие порции. С лицом загнанной крысы, вырвавшейся из капкана, она вышла к медсестре.

— Вот. Пожалуйста.

Медсестра замерла и искренне рассмеялась:

— Ты за кого меня принимаешь? Почему образец холодный? Ты покойница? Если с подоконника взяла — расстрою: там у всех результат неудовлетворительный. Иди, переделывай.

Стена вранья дала трещину. Мара стояла под тусклой лампой, чувствуя, как остатки её «магии» рассыпаются в пыль.

Их жизнь превратилась в качели над бездной. Мать запрещала выходить после заката, зная: если Мара переступит порог, она вернется в коме или не вернется вовсе.

Финальный акт начался, когда она попыталась вырваться

из квартиры, как дикое животное. Мать встала в дверях — живая баррикада с веником в руке.

— Ненавижу! — крик матери полоснул воздух, как ржавая пила. Она вжимала Мару в стену всем своим весом, всей яростью.

— Убиваешь меня каждый день! Сил моих больше нет, тварь!

Мара не плакала. Она впитывала каждое слово, каждый удар, каждую проклятую фразу как губка, пропитанная щелочью.

Она складировала эти обиды в темном хранилище под ребрами, методично и аккуратно. Это был её личный арсенал.

А позже, при любом удобном случае, она стреляла обратно. В упор. Без предупреждения.

Это была война на истощение, где пленных не брали. Мать хлестала её выжженной, злой правдой, а Мара рикошетила своим «ты сама меня такой сделала» и новыми срывами. Она знала, куда бить, чтобы у «железной леди» пошла трещина. Знала, как превратить святую веру в пепел за одну секунду.

Они стали зеркалами, в которых отражались только ненависть и боль. Любовь мутировала в идеальное оружие: каждая была мастером спорта по стрельбе в самое больное место.

Мара билась в руках матери, как пойманная крыса. Она визжала — так, будто её поджаривали на медленном огне.

— Пусти! Я сама решаю, что мне делать! Ясно?!

Мать захлебывалась яростной болью, пытаясь пробить броню дочери. Но Мара не чувствовала ударов, её рецепторы были забиты, бешенством цепной собаки. У матери текли слезы, она не контролировала движения, просто пыталась физически удержать дочь. Не дать ей окончательно раствориться в этом сумраке.

Её трясло — не от холода, а от жажды. Душа рвалась туда, где ждал белый шум и глухое онемение. А мать стояла в проеме живым щитом и била её, потому что больше не знала, как любить, кроме как до синяков.

В той прихожей не было правых. Две женщины: одна — выжженная дотла, вторая — готовая сжечь всё ради временного небытия.

Теперь, когда дети Мары выросли, она смотрит на них, и внутри всё переворачивается от зеркальной боли. Как мать она научилась выдержке и прощению. Но как дочь... она не может стереть эти кадры из памяти: как диким зверем вырвалась из дома, методично разрушая единственного человека, который за неё боролся.

Эти воспоминания всплывают без приглашения. Напоминают, какую цену другие заплатили за её нынешний свет.

— Ненавижу! — этот крик из прошлого до сих пор рикошетит от стен памяти.

Мара видит мать: истерзанную, постаревшую на десять лет за одну ночь. В дрожащих руках — веник, нелепое ору-

жие против хаоса. Она тогда пыталась удержать не тело, отчаянно цеплялась за угасающую душу дочери.

Пройдя через огонь и горящие угли, Маре до безумия страшно. Боится, что её ребенок может так же захлопнуть дверь и шагнуть в ту самую тьму, по которой она годами бродила босиком.

Каждый раз, когда сын возвращается поздно и бросает: «Мам, всё нормально», у Мары замирает сердце. Не из-за недоверия. Просто она слишком хорошо помнит, как виртуозно умела лгать сама.

А когда дочка просыпается от кошмара, и Мара садится на край её кровати, в тишине детской звучит эхо. Собственный голос из бездны: «Прости меня, мама. За всё».

Только сейчас, глядя в глаза детям, она осознает масштаб ада, через который прошла её мать. Та не сдалась. Не выставила. Не вычеркнула «безнадежную» дочь. Она выживала в этом круговороте боли и спасала как могла.

Сегодня Мара говорит о распаде личности как человек, который выбежал из Изнанки, вернулся к самому входу и своими руками закрыл за собой эти чертовы врата. Она не читает лекций. Она просто смотрит прямо в глаза — тем самым стальным взглядом, который видит насквозь.

— Слушайте... если рядом появится кто-то с вкрадчивым предложением попробовать — просто знайте: это ложь. Один неверный шаг в бездну и кажется, что ситуация под контролем. А на деле аватар уже засасывает в воронку Из-

нанки, которая выжигает всё настоящее, что осталось внутри.

Сын слушает молча. Иногда отводит взгляд, но Мара видит — каждое слово попадает в цель. С ним не нужно кричать. Достаточно честности.

С дочкой разговоры другие — мягче, но не менее точные. — Родная, — шепчет она, поправляя одеяло, — есть вещи, которые умело притворяются счастьем. Они обещают свободу, но на деле воруют душу, оставляя внутри арктический холод. Это фальшивка. А ты — настоящая. Твоя сила в том, чтобы оставаться собой.

Она не строит из себя героиню. Она — живая. Женщина, чья правда стала несокрушимой броней. Мара больше не потерянная девчонка. Она — Мать.

В ней нет гиперопеки. Она не душит контролем и не фанатеет — она «держит поле». Создает пространство, где не страшно ошибиться и где тебя услышат. Фраза «Мама, мне нужно тебе кое-что рассказать» стала в этом доме законом.

Это её контрпрограмма. Реванш за ту маленькую девочку, которой так не хватало тепла, что она отправилась искать его во тьме. Теперь Мара знает: одиночество — это гнилой корень, любовь — почва, а внимание — живая вода.

— Любой фанатизм — это уже легкое безумие», — говорит она, поправляя воротник куртки. — Баланс, детка. Баланс — это и есть истина. Это как уровень громкости или линия горизонта: перевесит в одну сторону и ты пошел ко

дну.

И вот она перед нами — не идеальная, не стерильная, но до кончиков пальцев настоящая. Сердце открыто, глаза — предельно внимательные. Она больше не спасает мир — она просто в нем Присутствует. И, как оказалось, этого более чем достаточно.

Детям не нужна идеальная мать. Им нужна настоящая. Та, что слушает, чувствует и остается рядом"

Амара

КРИТИЧЕСКИЙ СБОЙ

Хоккеист. Красивый, спортивный, стальной корпус и сюрприз, выжженное нутро. Они сошлись как сухая растопка и бензин. В обоих секторах ресурсы текли рекой, но следом за ними шел деструктивный код.

Они выносили из родительского дома всё, что имело цену. Не работали, паразитировали на их любви, которая раз за разом отказывалась верить в очевидное. Матери перекрыли доступ к финансам, но продолжали обеспечивать быт. Фасад стоял крепко: кровля, еда, оболочки прикрыты дорогим текстилем. А за ним гулял сквозняк абсолютной пустоты.

Мать Хоккеиста запирала его, наивно веря, что дубовая дверь остановит сбой. У неё была «святая святых» — кладовая, набитая активами. Он взламывал закрытые сектора с изяществом хакера, перенаправляя ресурсы Маре, а дальше включалась её логика и сделка с бездной. Всё как по часам. Только они отсчитывали секунды до финала.

В перерывах — когда белый шум отступал, он устраивал жесткую перезагрузку системы. С точностью профессионального спортсмена. Она видела в этом не карательную операцию, а сбитый прицел.

Когда систему в очередной раз выбило в точку обнуления, семейный совет вынес вердикт: направление в сектор прину-

дительной отладки к знакомому куратору. За хорошие деньги организовали «премиум-доступ»: автономный модуль на двоих, полная блокировка внешних сигналов.

Веселье началось, когда локальный запрет сняли. Мара была истощена, она проскальзывала сквозь решетки на окнах, как тень. Днем им проводили принудительный сброс данных, а вечером она находила способ инициировать новый системный конфликт.

У Изнанки всегда открытая кредитная линия. Продавцы энтропии — лучшие аналитики: улыбаются и загоняют в долги глубже любого банка. Для них объект — не личность. Амортизированный актив, который сам себя сдает в ломбард Бездны.

Им плевать — жив или идет необратимый распад. Главное — чтобы вернулся.

Девяностые накрыли страну как затяжной, грязный сбой. Масштабный цифровой вирус стирал целые кварталы, оставляя после себя списанные аватары с потухшими глазами.

Поток страждущих стекался сотнями. Первобытное зрелище: толпа, замершая в ожидании очередного зазеркального морока. Хозяева не спешили, заставляя людей гнить у ворот часами. Кто-то падал там же, кто-то дотягивал до утра в ожидании.

Ложились в землю или забирали свое, но систему не покидал никто. Без вариантов.

Для Мары поселок стал персональным Зазеркальем. Ме-

стом, где человеческое достоинство менялось на короткое замыкание в выжженной сети. Там не было имен — только безликие номера в очереди на убой.

Мара и Хоккеист были «приоритетными узлами». Цыганка встречала их как родных. У дьявола всегда отличный сервис, пока в живом носителе бьется ресурс, который можно обнулить.

Именно тогда, в полумраке палаты с решетками, Мара вытянула свой «счастливый билет». Диагноз прозвучал как программный вердикт: Комбо-набор. Шах и мат.

Она сидела на казенной койке, слушая монотонный голос врача. В голове заиграла погребальная шарманка. Механизм завершал путешествие: детали изнашивались, а новые на склад не завозили. Ни одной слезы. Наоборот — пришло дикое облегчение. Мара поняла: тормозов больше нет. Можно не останавливаться

Ужас перед финалом притупился, став частью фонового шума. «Дождь — так дождь».

Наступило облегчение: теперь это официальный финал. Можно было больше не строить иллюзий и не притворяться «выздоровливающим».

Аватар рассыпался слой за слоем — как здание перед сносом. Фильтрующие контуры, системы жизнеобеспечения, блоки защиты — всё выгорало изнутри, как старая проводка. Этот изношенный «Запорожец» — летел в кювет на полной скорости. Без тормозов и запаски.

«Сколько нам еще осталось?» — искрило в процессоре.

Но Мара продолжала движение. На одной вере в то, что она — Самурай, который сам выбирает момент для характеристики.

Три года они с Хоккеистом крутили этот маховик. Просыпались, заводили мотор и ехали в никуда. Матери надеялись, плакали в трубку, их голоса доносились словно из другой реальности:

— Ну как вы? Всё?

— Ага, всё. Всё по новой.

В один обычный день, когда критический дефицит ресурса достиг пика, ритуал сменился сбоем. Спортивная точность ударов — её катапульта к матери.

Дома — пыльная тишина. Мать на работе. Мара выла сидя на полу, проклиная всё: свой бесконечный сбой, выжженную оболочку, Хоккеиста. Она чувствовала себя не человеком, а конструкцией, в которой поселился демон. Рабыня, чьи желания и воля больше ей не принадлежали. Сценарий был взломан извне.

Решение пришло само: полное погружение в Изнанку, чтобы принудительно обнулить системные файлы и не гореть в бесконечном аду.

Внутри смеялась пустота. Тёмный эхо-сигнал издевался в сознании, утверждая, что Мара слаба, что её аватару не хватит духу на финальный рывок. Этот внутренний морок обещал, что система будет гореть, превратившись в вечную соб-

ственность Бездны.

— Кто слабая? Да пошел ты! — закричала она в пустое пространство. — Сдохни, ублюдок!

Мара допустила критический сбой системы. Вредоносный код инициировал погружение, обжигая сознание ледяным холодом. Она легла на ковер. Слезы оставляли мокрые дорожки на оболочке. Сознание уходит в спящий режим. Отключение, — прошептала она, блокируя внешние каналы восприятия.

Через мгновение — резкий, глубокий вдох. Веки приоткрылись. Мир превратился в калейдоскоп: белые халаты, суета, вспышки ламп. Аватар сотрясало в конвульсиях, начался критический отказ всех систем. Режим принудительной очистки запустился на пределе возможностей.

— С возвращением», произнес грубый мужской голос. Мара окончательно пришла в себя, когда халаты уже ушли. Тяжелый накал отступал, оставляя ледяной зажим. Она села на пол, кое-как подтянув колени к подбородку. Напротив, на диване неподвижно сидела мать. Она просто забыла документы. Вернулась в тот самый момент, когда сознание Мары покидало этот терминал. Трясла, кричала, вызывала реанимацию. Успели.

Почему? Зачем систему снова принудительно вернули в сеть?

«Еще не время», — пронеслось в голове. Значит, в сценарии было прописано еще слишком много шлака, который

предстояло вычерпать до самого дна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.